

От автора бестселлера «Пальмы в снегу»

ЛУС ГАБАС

СЕРДЦЕ

ЗЕМЛИ

РИПОЛ КЛАССИК

Лус Габас

Сердце земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66856243

Сердце земли:

ISBN 9785386144289

Аннотация

Алира унаследовала особняк и земли, которые принадлежали ее семье на протяжении нескольких поколений. Но время было к ним немилосердно – соседняя деревенька, раньше кипящая жизнью, совсем опустела. Люди уехали в большие города, где больше возможностей и больше перспектив.

Если Алира хочет спасти любимую землю от упадка, ей придется приспособиться к новым временам. Одно рискованное решение изменит не только ее жизнь, но и будущее ее наследства.

Содержание

1	5
2	21
3	39
4	55
5	74
6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Лус Габас

Сердце земли

Тем, кто не верит, что время пролетит стремительно.

Хосе Эспаньолю Фаукье за то, что ждет меня

Жизнь похожа на вышитую ткань. Первую часть ее мы проводим на лицевой стороне, а вторую – на изнаночной. Она не такая красивая, но зато видно, как идут стежки.

Nach – Urbanología¹

Лишь активные и здоровые натуры помнят, что солнце рождается чистым. Никогда не поздно избавиться от предрассудков.

Генри Дэвид Торо, «Волден»

¹ «Урбанонология».

1

PAINT IT BLACK²

Rolling Stones

Четверг, 21 июня 2018 г.

– Ну что ж, начнем...

«Снова эти слова!» – подумала Алира. Ее чуть не вырвало от предчувствия повторения той же ситуации, хотя на сей раз с другим человеком. Все внутренности свело. Нужно взять себя в руки! Сознание подсказывало, что сейчас не самый лучший момент, чтобы демонстрировать чувства, близкие к ненависти. Поэтому она сосредоточилась на том, чтобы дышать глубоко и принять более-менее приличествующую случаю позу.

Женщина, сидевшая напротив, бегло просмотрела бумаги, разложенные на офисном столе белого меламина, выбрала одну и небрежно подняла левой рукой, в то время как карандаш в ее правой руке выписывал какие-то знаки, по мере того как она читала.

– У вас необычное имя. Вы считаете себя особенной?

Вопрос удивил Алиру. Она подняла взгляд, чтобы встретиться со взглядом темных глаз той, кого ей несколько ми-

² В черном цвете.

нут назад представили как младшего лейтенанта Эстэр Вагас. «Женщина бальзаковского возраста, с большим жизненным опытом, – подумала она. – Крупные руки, морщинки, густые, коротко стриженные прямые волосы, блондинистые с несколькими рыжими локонами...»

Прежде они не встречались, ее будто бы отправили сюда исключительно за этим. Местный городок был крохотный, и, по слухам, она знала здесь всех приятелей ее друга, Сезара.

– Не думаю. Не больше, чем другие.

«Эстэр – тоже необычное имя, хотя и не редкое, – подумала она. – Так какая разница?»

– Я сказала бы, что обстоятельства сложились не совсем в вашу пользу...

– Я уже говорила: я не имею к этому отношения. Я ничего не знаю!.. И вообще, это я вас первая вызвала!

Алира валилась с ног. Она была перепугана, у нее шумело в ушах, хотя ей хватило сил выказывать непокорность. Хватит уже с нее! Бессилие и противоречие терзали ее изнутри.

В памяти всплыл эпизод из старого фильма, где подозреваемый во всем признался только ради того, чтобы прекратить психологическую пытку повторять сотни раз одно и то же. Слезы наворачивались на глаза. Женщина уставилась в стекло в верхней части одной из стен маленькой, унылой комнатушки. Она была уверена, что Сезар ее слышит и наблюдает за ней.

– Я отказываюсь дальше отвечать на вопросы, – произнес-

ла она, пряча лицо в ладонях и тихонько всхлипывая. – Я хочу пойти домой.

Эстэр сделала паузу, чтобы что-то записать, а в комнату заглянул мужчина.

– Алира, – позвал он.

Женщина узнала голос Сезара. Она поднялась и направилась к нему. Они не виделись с тех пор, как он забрал ее из дома и привез в участок Гражданской гвардии. А прошло уже несколько часов. И она ощутила облегчение.

Сезар был худощавым, коротко стриженным блондином немного выше ее, с открытой располагающей улыбкой (хотя сейчас он не улыбался). И только его форма заставляла «выдерживать дистанцию».

– Можно мне домой, Сезар? Пожалуйста!

– Сейчас это невозможно, – возразила Эстэр. – Это место преступления.

– Но тело уже увезли в криминалистическую лабораторию, и все улики собраны, – решительно вступился Сезар, даже не глядя на Алиру.

– Согласна, – уступила Эстэр. – Тогда еще всего пара вопросов... – Она заняла свободный стул напротив Алиры, когда женщина вернулась на место в ожидании, что будет дальше. – В каких отношениях вы были с жертвой?

Лейтенант торопилась, но риск того стоил. Состояние тела затруднило расследование, результатов анализов пришлось ждать несколько дней. Но здесь никогда не угадаешь, а ведь

первые часы расследования самые важные. За неимением улик пришлось полагаться на инстинкты. До сего момента никто из опрошенных не смог ничего конкретного сообщить о личности жертвы, в том числе и Алира.

– Здесь сказано, – Эстэр пробежалась по предыдущим расшифровкам, – что они были нормальные, «теплые», как и со всеми прочими. – Алира кивнула, а Эстэр продолжала менторским тоном: – Думаю, вы его возненавидели просто на пустом месте. Вас смущало его присутствие...

– Вы не знаете, что говорите, – выдавила женщина. Прочие офицеры вели себя жестко, но не так, как эта женщина: похоже, она прочно уверилась в своих подозрениях. – Я не такая.

– Но рано или поздно вам бы пришла в голову мысль избавиться от того, кто вам только неприятности доставлял.

Алира сознавала, что к концу зимы она должна была очень сильно желать этого. Слишком сильно для такого миролюбивого человека, как она. Потом она спросила себя – возможно, что они уже знают время совершения преступления и потому так взбудоражены? Если тут есть совпадение, чувства ее в тот момент должны были ее выдать, и ситуация становилась для нее еще более запутанной.

Она взглянула на Сезара, но тот по-прежнему отводил глаза. Наверняка он разузнал уже всё о прошлом Алиры, давнем и недавнем, так что коллеги могли разобраться, что она из себя представляет. Для стороннего наблюдателя всё, что

может быть понято неверно, будет... Но как могли они предположить, и тем более поверить, что она способна на подобное зверство? Она всегда всё делала правильно. Она была *хорошей девочкой*.

С другой стороны, она пожертвовала бы жизнью, чтобы спасти семью. Почему же эти офицеры пытаются повернуть дело так, что она кажется злопамятной, завистливой, способной на жестокость? Алире по-прежнему не верилось, но это было правдой. И Сезар должен отстаивать их версию.

– Ты много лет меня знаешь, Сезар. Ты знаешь, что я бы никогда...

– Обращайтесь к сержанту с должным почтением, сеньора, – прервала ее Эстэр. – Пока идёт следствие или пока дело не закрыто, здесь у вас друзей нет.

«Вот, значит, как это происходит», – подумала Алира. Её снова охватил гнев. Наверное, идея была не самая лучшая. Однако проведя столько часов запертой здесь, под градом бесконечных вопросов об одном и том же, Алира вдруг решила, что, возможно, стоит сменить тактику. Если они не намерены верить ей, чем это повредит?

– Полагаю, мне пришло время заявить, что я больше ни слова не скажу без адвоката.

«Чем я заплачу за него? Вызовите одного из государственных?» Алира чувствовала, что у полиции на нее ничего нет. И она не намерена брать на себя вину за то, чего не совершала.

Эстэр слегка улыбнулась. Сколько раз я слышала эти слова! Подозреваемая могла думать, что это она произвела впечатление, но на самом деле офицеру было достаточно одного взгляда, чтобы все понять. Она начала перебирать бумаги:

– Хорошо, вы можете идти. Но знайте, я еще с вами не закончила. Никуда не уезжайте.

«А куда мне ехать?» – подумала Алира. Она всегда жила здесь, здесь ее дом.

– Если ты подождешь меня снаружи пару минут, я тебя провожу, – предложил Сезар. – Полицейская машина отвезёт тебя домой.

Алира ненавидела эту его новую манеру говорить с ней, но была благодарна за широкий жест. Она взяла с кресла сумочку и куртку и вышла, не попрощавшись. Это было невежливо, и она ни за что не поступила бы так, если бы ее не довели до ручки.

«Манеры, как камни, кажутся незыблемыми, – подумалось ей, – но и камни трескаются».

Эстэр размышляла, была ли скромность этой женщины, Алиры, подлинной или притворной. Она казалась холодной, сдержанной, как ее лицо и костюм. На ней были джинсы, белая поплиновая рубашка, шейный платок, повязанный особым образом, – всё это придавало незнакомке элегантный, слегка мужественный вид. Макияжа почти не было – лишь светлый тональный крем на розовой ухоженной коже, губы

едва тронуты помадой, глаза не накрашены... И эти глаза были опасные, то ли карие, то ли зелёные, большие, выразительные, полные жизни, дерзкие. Короткие легкие каштановые волосы, с несколькими – на удивление редкими – седыми прядями, намеренно растрёпанные, подчеркивали резкие черты. Подозреваемая была удивительно привлекательной. Естественная гармония лица и тела сочеталась с душевной отстраненностью.

Эстэр уже поняла, что почти невозможно свести все это в определённый типаж, и потому держала ухо востро. Она знала, как умело психопаты прикидываются, стараясь выглядеть нормальными перед судом, и ведут себя как добропорядочные граждане, но глубоко в душе они полагают себя необычными, особенными, *высшими существами*, совершенно иными. Но родятся ли в сердцах присяжных те же сомнения, что уже родились в ее?

Следователя не столько заботило описание случившегося, которое Алира повторила в точности, как на предыдущем допросе, сколько то, как она себя вела, реагировала, жестиковировала. У Эстэр было особое чутьё на лжецов. Она не была убеждена, что Алира лгала, но было в ней что-то, что настораживало. Возможно, это была слабость, которая, несмотря на внешний вид, ощущалась в женщине. Эстэр была бойцом и потому порой несправедливой: она не выносила людей со слабым характером. В их обществе она делала над собой усилие, чтобы сохранить объективность, необхо-

димую в ее работе.

Размышления прервал Сезар:

– Ты допрашивала Алиру так, будто уже знаешь, кто жертва, – осторожно заметил он. Он верил, что многое мог бы узнать от подруги, но ее поведение сбilo его с толку.

– И так будет с каждым отныне и впредь. Мы *должны* предвосхищать события. В конце концов, это самый логичный способ что-то вытянуть из подозреваемых.

– И что ты думаешь? – Сезар опустилcя в кресло, где до этого сидела Алира.

– С первых допросов мы мало что прояснили. – Эстэр постукивала карандашом по обложке папки. – И если, как сообщили из лаборатории, всё случилось давно, дело плохо. Что у нас есть? Разложившееся тело – и всё. И горы лжи. Посмотрим, поможет ли вскрытие...

– Но убийца не рассчитывал, что мы найдём тело. Он точно задержается!

– Все вероятные подозреваемые начинают дергаться. Неужто ты не заметил? – Эстэр фыркнула. – Это было слишком давно. Достаточно давно, чтобы преступник поверил в собственную невиновность. Это всё усложняет.

– Уж не про Алиру ли ты говоришь?

– Порой люди, которые кажутся совершенно нормальными, на самом деле дьяволы во плоти. Психопаты потрясающе умеют притворяться. Они идеально играют роль добропорядочных граждан.

– Но Алира не... – Сезар покачал головой. Трудно было поверить, что лучшая подруга способна на такое. – Здесь тихий район. Она женщина мирная; странная – да, но при этом милая. И она всегда была очень чуткой. Ее нельзя не любить. Возможно, с годами она стала более сдержанной, но никогда не колебалась, если кому-то была нужна помощь, особенно друзьям. Вы же видели её реакцию!

– Я видела многое. И я не уверена. Есть в ней что-то странное, чего я не могу понять. Можно плакать, но не из-за причиненной вами боли, а из-за возможных последствий, способных нарушить ваши планы. После стольких лет на этом посту все еще доверять людям без оглядки? Уверяю тебя, Сезар, я бы не стала, даже будь я влюблена в нее.

– Не стоило этого говорить. – В то утро он поверил в счастливый шанс, когда они занимались архивными делами, и вдруг позвонила Алира в истерике, и расследование получило внезапный поворот. Сезар впервые работал со столь известным следователем, как Эстэр, и он хотел произвести на нее хорошее впечатление. – Теперь ты решишь, что я тоже «замазан».

Эстэр была женщина «битая» и подвергала сомнению всё, что слышала. Она по своему опыту знала, что преступники часто находились в ближайшем окружении жертвы, а Сезар был их другом и соседом. Из-за личных отношений с вероятной жертвой он тоже мог подпасть под подозрение. Пока что она решила позволить помощнику вести дело, а заодно

приглядывать за ним.

– Я не верю ничему. Я просто считаю, что полезно смотреть на вещи с разных сторон. Скажи-ка мне вот что... Ты привлекательный, добрый, порядочный человек... Почему ты с ней не встречаешься? Она красивая, и все еще одинока, и смотрит на тебя с нежностью. Неужели ты ничего не чувствуешь?

По лицу Сезара скользнула улыбка. Что правда, то правда: Эстэр не привыкла ходить вокруг да около. Сержант мысленно вернулся в прошлое, когда каждое зимнее утро смотрел, как Алира воюет с шарфом, шубкой и туфельками, когда в тумане торопится на автобус, отвозивший ее с другими учениками в колледж. Он вспоминал ее горящие щёки, волосы, аккуратно собранные в хвост (тогда она их не стригла), чистый запах духов на пастельного цвета платье... Алира не терпела эксцентричности, равно как и резкости. Она была аккуратна, пунктуальна, вежлива, сдержанна, спокойна. Кому-то, но только не ему, это могло показаться скучным. Поэтому то, что у них ничего не вышло, и оказалось столь шокирующим. Кто-то другой, пройдя через то же, что и она, изменился бы навсегда, а она, напротив, упрямо продолжала плыть против течения. Сезар не мог представить, что она совершила преступление вроде того, о котором и он, и все соседи в округе уже успели забыть. И даже если представить себе невероятное, и она и впрямь виновна, почему она позвонила ему? В этом не было смысла: шила в мешке

не утаишь. Но тогда почему сейчас, когда они готовы были объявить жертву пропавшей без вести? Конечно, это могло быть частью течения темных дум...

И он постарался ответить как можно естественней:

– То была юношеская любовь. Мы были очень разными. У нас бы ничего не получилось. Но меня это не огорчило. – Когда-то он жалел, что не добился взаимности, но хранил это глубоко в сердце, поскольку это была история из совсем дальнего прошлого и очень личная. – Но есть кое-что еще. Дело не в том, что Алира предпочла другого. Дело в доме, в котором она живет. И в деревне, будь она проклята! Они имеют над ней власть.

Эстэр кивнула:

– Я знаю эту историю. Очень трагично. Тогда у твоей подруги куда больше причин для беспокойства. – Она поцокала языком и иронично добавила: – Все беды от призраков. И самые страшные из них живут у нас внутри.

Как и обещал, Сезар проводил Алиру до выхода из участка. В неловкой тишине они миновали длинный коридор с дверями по обе стороны, из-за которых доносились звонки телефонов и шум принтеров. Алира никогда не задумывалась, на что похож полицейский участок, потому что видела подобное только на страницах ужастиков или в кадрах криминальных сериалов и фильмов, которые она никогда особенно не любила, потому что не могла принять то, что в ми-

ре столько преступлений, чтобы породить такое количество криминальных историй.

Женщине казалось, что она пребывает на другом свете – в таком шоке она была. Она ощущала подозрительность, с которой окружающие смотрели на нее, ожидая проколов, невольной лжи, выдающего жеста. Она чувствовала осуждение и непонимание.

– Других вы тоже допрашивали? – наконец осмелилась спросить она.

Сезар неопределенно помотал головой:

– Всех, кто находился в доме в тот день, да. Но мы не всех нашли. И, возможно, мы возобновим допросы. Извини, больше мне нечего сказать.

Алира остановилась и встала перед ним, глядя на него в упор:

– Ты же не думаешь, что это сделала я, правда, Сезар? Ты знаешь меня с детства!

– Ты не единственная в округе, кого я знаю, Али.

Сезар не отвел взгляд, она прочла тревогу в его прищуренных глазах и вздрогнула, словно от боли.

– Лейтенант считает, что у тебя был явный мотив.

У Алиры перехватило дыхание. Ей потребовалась пара секунд, чтобы осознать, что сказал ей друг: что ею двигала ревность.

«Если бы ты знал, Сезар, – подумала она, – ты бы понял меня? Поддержал бы? Принял бы?»

Она могла бы объясниться, но раздумала: не время и не место.

– Я помню, во что она превратилась, Сезар, – произнесла Алира надтреснутым голосом после длительной паузы. – Она была такой липкой! Боже! Некто близкий, не просто тот, чьё имя ты услышал из новостей, расплылся вязким илом. Я никогда этого не забуду! Никто не заслуживает такого жуткого конца. – Она всхлипнула. – Ты ошибаешься: никто из нас этого не делал.

Сезар помедлил пару секунд, прежде чем легонько взять ее под локоть и напомнить, что пора идти. Как бы он хотел, чтобы этого не случилось! Воспоминания о юности лоб в лоб сталкивались с реальностью, и это столкновение рождало боль. Ему непереносимо было видеть страдание на лице подруги, но и обманываться тоже не стоило: интуиция редко подводила Эстэр, ветерана Специальной судебной полицейской службы Гражданской гвардии. Однако даже думать о подобном было для него пыткой, не то что говорить вслух.

– Мы ждем результатов из лаборатории. Единственный совет, который я могу дать: найди хорошего адвоката, Али.

Внимание Сезара привлек громкий шум за входной дверью. Его пробрала дрожь, причем не столько из-за сырости дождливого июня, заполонившей вестибюль, сколько из-за тоски, которая брала взять над ним верх. Пресса наверняка нагородит вокруг столько слухов!.. Он почувствовал тяжесть в животе, но ад Алиры только собирался разверзнуться.

«Ждут подачки, стервятники!» – подумал мужчина. Интересно, сколько из них обернется, когда она выйдет, а сколько продолжит игнорировать? Он пожалел, что не получится лично отвезти Алиру домой: Эстэр с начала расследования ясно дала понять, что он должен держаться в стороне и демонстрировать отстраненность. Это не позволило бы журналистам начать задавать вопросы о связи подозреваемой с офицером Гражданской гвардии. Подошли помощники, которые собирались подвезти женщину. Сезар кивком указал на дверь и присвистнул.

– Надо же, сколько налетело! – заметил он. – А места так мало. Должно быть, новостей не хватает. Мухи всегда слетаются на гнилое мясо. – Прислушавшись к шуму, доносившемуся с улицы, Сезар прошептал на ухо Алире: – Ничего не говори. Не открывай им ни души, ни двери. Будь сильной.

Алира мрачно взглянула на него, словно только сейчас всё вдруг обрело смысл – среди толпы незнакомцев, что приближались к ней, потрясая микрофонами и магнитофонами, с камерами и раздражающе сияющими в сумерках эмиссионными лампами. А что, если она заговорит? Не существует такого устройства, чтобы передать на словах силу эмоций. Поэтому Алира решила молчать и ни с кем не делиться своей тайной. Она была уверена, что ее не поймут и станут критиковать.

Женщина не желала, чтобы что-то затмевало блеск того, что снова наполнило ее жизнью, – доброго, спокойного и

нежданного. Мелодия песни, которую постоянно слушал ее младший брат Томас, зазвучала в ее голове, следуя ритму движений близких людей и картинам из ее прошлого. Спустя столетия она вновь открыла свой дом... и сердце женщины смягчилось. Алира не желала, чтобы затихла прозрачная сладостная капель, что несколько недель звучала в сердце, омывала ее естество, превращая осень души в звенящую ручейками весну. Неужто за все это придется заплатить высокую цену?

Единственным объяснением, возникшим в ее измученном мозгу, было то, что стремление изменить свою жизнь наконец-то начало претворяться в реальность.

Принятые ранее решения оказались в корне неверными. Возможно, ей придется всерьез поработать...

О чем она думала все прошедшие годы? Почему поступила так глупо? Если б только она могла вернуть прошлое, отмотать хотя бы пару месяцев назад, или больше... Но может быть, этот узел завязался еще раньше, задолго до ее рождения, и ей было бы не в чем себя упрекнуть. Тогда она видела мир лишь в мрачных тонах, а когда заглядывала в себя, видела вокруг сердца плотный густой туман. Так было и в песне «Rolling Stones» *Paint it black*.

Алире вдруг захотелось исчезнуть, перестать плыть против течения, но ей следовало чаще говорить о себе, своем прошлом в мельчайших подробностях. Женщина мечтала вернуться домой и перепроверить собственные слова. Она

ненавидела говорить о себе: ее учили все хранить в тайне. Она и не предполагала, что нечто подобное могло не делиться с ней, ее друзьями, семьей, домом...

«На, па, па...»

«Пожалуйста, пожалуйста, – молил внутренний голос. – Пусть тьма никогда не вернется!»

2

CHILD IN TIME³

Deep Purple

Несколькими месяцами ранее

Суббота, 27 января

Сидя на каменной скамейке, ее любимом месте для размышлений, Алира будто скользила по обветшавшей, пустынной сцене, где долгими вечерами она была единственной молчаливой актрисой, и ее вновь охватила меланхолия. Вскоре нужно было уходить, но она не знала, что делать. На правом берегу реки Алкиларе раскинулась на холмах деревенька с одноименным названием, ныне лежавшая в руинах. С одной стороны, в некотором отдалении, возвышался остов старой готической церкви, возведенной на месте римских развалин, с другой – расположилось поместье Эলেখия, лениво наблюдавшее за течением лет. Особняк стойко держался в битве со временем, но каждый бой рано или поздно заканчивается. Поколебавшись несколько месяцев, женщина пришла к выводу, что у проблемы есть только одно решение: продать дом, как бы больно ни было и как бы ни противилось этому сердце.

³ Ребенок в наше время.

Ей пришлось бы начать новую жизнь вдали от всего, что ей дорого. В детстве Алкиларе был для нее каменным раем, заполненным толпами людей. Она не знала названий архитектурных элементов, но зато помнила каждый зазор, крест, надпись, выбитую на камне дату или герб на дверном замке. Выбеленные фасады соседствовали с кирпичной кладкой и пепельно-серыми углами. Деревянные и железные ограждения балконов и галерей напоминали украшения на торте, а чердачные окошки – кусочки шоколада, печные трубы, конические и прямоугольные, были вишенками... а теперь осталась горстка призрачных строений да горы булыжника, укутанные безмолвием.

В деревню вел крутой и продуваемый всеми ветрами проселок, в обход через каменный мостик. Около сотни домов и три-четыре магазинчика, ранее щеголявшие черепичными крышами, сгрудились вокруг пяти мощенных булыжником улочек, и одна, наиболее широкая, изящно повторяющая неровности рельефа, упиралась в площадь, на которой сейчас стояла Алира. Чуть ниже голые поля сбегали к речному берегу. Кому захочется приехать снова туда, где ничего нет?

Алиру неудачи никогда не пугали, как будто ее ни разу не посещали коварные мысли о растроченном впустую времени и о том, что она слишком устала сражаться в чужих войнах. Женщина научилась умирять их с помощью жизненной энергии, иллюзий, оптимизма и внутренней силы. Ее

родители продолжали держаться за собственность, хотя современный мир пророчил незавидное будущее тем, кто любит плыть против течения. Как и их предки, жившие на этой земле аж с XV века, они старались оградить свое наследие от посягательств в том виде, в котором оно им досталось. А что может быть важнее почтения к предкам? Алира сама была частью семейной истории и подобное отношение считала честью, а не бременем. Ее мир включал в себя не только то, что происходит сейчас, но и то, что происходило до ее рождения, она привыкла принимать самостоятельные решения и никогда не жаловалась. Тем не менее ей и в голову не могло прийти, что придется покинуть родной дом и землю навсегда. Как здесь не расстраиваться?

Годы ее пощадили. Она упорно двигалась вперед, справлялась со всеми проблемами... но этого было мало. Бремя ответственности за огромное поместье потихоньку начала затмевать гордость, и жизнь женщины постепенно превратилась в битву с главным врагом – временем. Оно напоминало о себе в истрепанных кабелях и старых свинцовых трубах, пронизывающих стены, иссушало дерево и балки, раскалывало плитку и змеилось трещинами по стенам и штукатурке на потолке, давая приют термитам, превращало в пыль гипс, покрывало патиной решетки и заборы, заполняло сорняками дорожки и лишало землю привлекательности. И эту битву люди обречены были проиграть...

От холода у Алиры онемели суставы. Женщина броси-

ла взгляд на особняк, господствовавший на холме примерно в полукилометре, и тревога усилилась: вид внушительного здания пробуждал сильные чувства. Все ее воспоминания были связаны с этим местом. Прежде чем покинуть этот мир, ей предстояло заклеить себя позором продажи наследия предков. Другим это могло показаться смешным, но для нее это была трагедия. Этот особняк служил ее семье веками, он рос, приспособливался, выживал, выстоял в политических и социальных неурядицах. Это был не просто дом. История жила здесь в каждом уголке, мебели, картине, в каждом клочке земли, где выращивали будущий урожай, чтобы потом заполнить склады и подвалы ароматами и вкусами, в каждом камне стойл, хлевов и птичников, в каждой капле крови и пота, слезах и улыбках тех, с кем ее соединяли родственные узы.

Плакать хотелось от мысли, что бы случилось с ней и ее семьей, если бы один человек не ворвался в их жизнь несколько лет назад. И этого человека она ненавидела всеми фибрами души за то, что он явился уничтожить все, что было для нее важно. В детстве не принято было говорить о мертвых камнях Алкиларе: камень был жив, он был бессмертен. Люди, животные и растения умирали, а камни даже не старились.

«В детстве... – подумала Алира, не замечая катящихся по щекам слез, стекающих за воротник толстого анорака. – Никто не замечает трещин, сорняков, гнили, развалин, голых

камней. А грусть обычно проходит – это еще не приговор...»

Это случилось потом. Женщина хорошо помнила вечер, когда пришла смерть, – помнила до сих пор, несмотря на прошедшие годы. Как она могла забыть? События тех дней сказались на всей ее дальнейшей жизни...

Ей как раз исполнилось девять в далекие семидесятые. Была осень, когда пейзаж ежегодно раскрашивался всеми оттенками красного. Уже стемнело, и младший братик спал в своей комнате. После ужина Алира рисовала в компании родителей. Они думали, что дочь их не слушает. Элехия никогда не отличалась многословностью. Она сидела в кресле, глядя в пустой камин, который не стали зажигать, ибо было еще тепло, и громким шепотом говорила мужу:

– Делай что хочешь, но я не поеду.

Женщина укачивала на руках третьего ребенка, которого в честь отца называли Томасом. Эта поза означала для нее власть и владетьность и, может быть, еще и защиту. Снаружи слышались голоса и шум, а потом в дверь громко постучали. Томас встал, обошел кресло, в котором сидела жена, и положил руку ей на плечо.

– Увидимся в столовой, – произнес мужчина. – Ты знаешь, я не против, чтобы ты переехала.

Элехия помотала головой и поджала губы:

– Только если земля разверзнется.

– Как хочешь. – Отец коснулся указательным пальцем ее

шеи. Алира крайне редко замечала за ним этот необычный и очень интимный жест. – Я останусь с тобой. Мой дом там, где ты.

Элехия прикрыла глаза на несколько мгновений, а потом повернулась к дочери и повелела:

– Иди спать.

Алира подчинилась. Она делила детскую с братом Херардо, который был на четыре года старше. Девочка слышала стук в дверь, потом с лестницы донеслись громкие злые голоса нескольких человек. Это было странно. В их доме никто не повышал голос.

Симметрия постройки и архитектурные ордера формировали здание, в котором обитала семья, считавшаяся веселой, спокойной, не слишком экспансивной в плане выражения чувств, но при этом не слишком холодной в общении, в сравнении с семьями ее одноклассников. Тогда Алира еще не знала, что на самом деле представляет из себя поместье «Элехия». Их дом был самым большим среди всех окрестных домов и значил для нее ничуть не меньше, чем для ее друзей их собственные дома. Это был ее родной кров, где она просыпалась каждое утро, прекрасно зная, что, когда она вернется из школы, дом будет ее ждать, даря защиту, отдых, место для игр, вкусную еду, храня ее игрушки, одежду, книги и тетради, ткань для шитья, находки и «секретики» в маленьких шкатулках. Девочка не задумывалась, почему она родилась именно здесь, а не где-то еще, почему дом принад-

лежит ей и как все в жизни складывается так, что она растет счастливым ребенком. Ее мать, Элехия, занималась домашним хозяйством с помощью двух горничных и повара, а отец, Томас, путешествовал по стране, оставляя инструкции конюхам и работникам, или проводил время в кабинете, в окружении бумаг, полных записей, подсчетов цифр и комментариев.

Из рассказов других детей Алиры узнала, что так вели себя все родители. Конечно, прислуга и повар были не у всех (например, у родителей ее подруги Аманды не было). Мать Аманды все делала сама и время от времени ездила в поле помогать мужу. Возможно, в этом было главное отличие семьи Алиры от всех остальных. Чтобы содержать такой большой дом, требовалось много людей. Ее мать в одиночку бы не справилась, а отец не смог бы позаботиться о таком обширном владении, как он говорил, когда брал ее с собой на прогулку верхом. Для Алиры мир ограничивался стенами ее прекрасного дома в полукилометре от шумного Алкиларе и той землей, что они с отцом объезжали, с ее падубами, можжевельником, тимьяном, самшитом и утесником, садами, виноградником, оливковой рощей, орешником и полями злаков.

– Там, – Томас простер широкую, сильную, жилистую руку в сторону горной цепи, прорезающей горизонт, – прекрасные сосновые и еловые леса и березовые рощи. Однажды я отведу тебя туда, Алира. А еще на верхние луга и пастбища:

посмотришь, куда мы летом перегоняем скот. Запомни это, девочка. Ты должна все знать, потому что однажды вы с братьями все унаследуете. Даст бог...

И маленькая Алира запоминала. Уже повзрослев, она научилась удобрять, подвязывать, подрезать, косить и собирать урожай. Все работы велись строго по лунному календарю. Она привыкла заботиться о каждом клочке земли и ежегодно проверять крышу на предмет протечек. Единственное, чего она так и не могла понять, это почему отец всегда повторял: «Даст бог». Тоскливый вздох, которым он сопровождал эти слова, совсем не вязался с его сильным энергичным телом.

В ту ночь, заслышав крики, Алира решила узнать, что случилось. Она спустилась в холл и направилась в кухню, рядом с которой располагалась маленькая кладовая. Из нее можно было попасть в библиотеку, смежную с рабочим кабинетом отца, и столовую, откуда и доносились голоса. В кладовке хранили специи. Девочка обожала запахи перца, гвоздики, аниса и лаврового листа. Дверь была прикрыта неплотно, так что получилось бы подсмотреть и подслушать. В нос ударил сильный запах пота и нестиранной одежды. За длинным покрытым скатертью столом сидело с полдюжины человек из деревни. Девочка узнала владельцев самых больших домов. Все говорили одновременно, на их лицах застыла тревога. Внезапно Томас резко ударил ладонью по столу так, что Алира вздрогнула. Она еще ни разу не видела отца в ярости.

– Вы ошибаетесь! – рявкнул он. – Что вы творите?! Я ни-

куда не поеду!

Следующие несколько секунд висела тишина, а девочка недоуменно смотрела на отца. Он не был высоким, но казался таким из-за крупных черт лица и рук. Но непропорциональность фигуры компенсировалась его мягким и любящим нравом. Соседи часто приходили к нему за советом, но сейчас его окружал ореол одиночества. Все вокруг молчали.

– Вы покинете свои дома, а что станет с землей? – продолжал Томас. – Вы будете всю жизнь об этом жалеть. Вас никогда не оставит чувство вины, что вы предали своих предков!

– Я читал письма тех, кто бежал во Францию во время Гражданской войны, – прервал его друг, отец Аманды. – Они работали и кормили свои семьи, а еще они воспользовались и продолжают пользоваться возможностями, что открыли для них города.

– А что бы еще они написали, Хоакин? Никто не станет рассказывать о своей тоске, чтобы вызвать жалость. – Тон Томаса слегка смягчился. – Они бежали, спасая свою жизнь и жизни своих родных. Нас же никто не гонит. Нет большего позора для людей вроде нас с вами, чем потерять землю...

Разговор снова прервался, на сей раз хлопнувшей дверью и громким криком из прихожей.

– Элехия?

Томас встал, прошел через комнату и скрылся за крашеной в серо-зеленый цвет резной двустворчатой дверью в дальней части столовой. Хоакин последовал за ним, но ухо-

дить не стал. У Алиры перехватило дух в предвкушении того, что будет дальше. Она была уверена, что кричала мать. Возможно, по этой же причине никто из мужчин не двинулся с места, прислушиваясь к неразборчивому разговору. А страх, порожденный невероятным напряжением и непонятными словами, связанными с немыслимой идеей о бегстве, не давал девочке пошевелиться и вынуждал крепче прижаться щекой к двери кладовки.

– Что случилось? – спросил Томас.

– Это был тот инженер, – гневно отвечала Элехия.

– Я не слышал, как он вошел. Что он хотел?

– Я видела его в окно, вышла ему навстречу и сказала, чтобы он не мешал вашей беседе. Он настаивал на разговоре, потому что знал, что вы соберетесь у нас. Я вышвырнула его вон. Чтобы ноги его больше здесь не было! Если... – Мать понизила голос, и Алира не расслышала, что именно она сказала.

Потом трижды ударил дверной молоток, размеренно и неумолимо, как церковный колокол, возвещавший о смерти. Но ничего не произошло.

Алире было любопытно, что случилось. Она тихонько покинула кладовку, пересекла кухню в сторону маленького распределительного щитка у подножия лестницы, где располагался спуск в подвал, сад и главный зал, пол которого был выложен массивными каменными плитами. Она приложила глаз к замочной скважине и зажмурила второй, чтобы лучше

видеть.

Родители не шевелились. Элехия была одного с отцом роста, широкая кость делала ее визуально толще, а черты лица грубее, но все же она была элегантной женщиной, производившей сильное впечатление. Она привыкла раздавать указания, чтобы все происходило так, как хотела она, чтобы в ее доме всего было в досталь, везде был порядок, и эти качества она унаследовала от предыдущих поколений. Никогда еще Алира не видела мать взволнованной. Девочка удивилась, почему она кого-то не впустила: в доме всегда приветствовали гостей. Кто же был тот человек, с которым они даже говорить не стали?

– Прогони его, – попросила Элехия мужа.

– Думаю, его стоит пустить на собрание. – В поле зрения Алиры появился Хоакин. Он говорил сухо и сурово, иногда его дочь копировала эту манеру. У него были темные волосы, серые глаза и длинные худые ноги. – Не все думают так, как ты. А времени все меньше.

Томас нахмурился, взглянул на жену и неуверенно кивнул:

– Позже поговорим.

Элехия молча направилась к дверям, за которыми пряталась Алира. Сердце колотилось маленьким молоточком. Девочка замешкалась – куда ей бежать: в свою комнату или обратно на «наблюдательный пост»? В итоге она решила послушать, чем дело кончится, и вернулась в кладовку. Спустя

несколько минут она увидела фигуру незваного гостя, стучавшего в дверь, в компании Хоакина и Томаса. Мужчина был высок, носил строгий костюм и дорогую булавку для галстука. Присутствующие слегка кивнули в знак приветствия, а затем протянули руки для пожатия, не вставая из-за стола, как будто приличия заставляли их быть вежливыми против их воли.

Мужчина присел у дальнего конца стола, возле двери, напротив хозяина. Незнакомец проглядел разложенные бумаги и произнес с широкой улыбкой:

– Уверен, что мой сегодняшний визит будет полезен всем.

Алира с неудовольствием признала, что ее очаровала эта улыбка. У него были красивые ровные зубы. Таких людей девочка видела в деревне только по праздникам, чисто выбритых, с приглаженными волосами, в блестящих очках. Незнакомец казался весьма элегантным, это явно был важный человек.

– Послушайте, дон Филип, я не знаю, что еще добавить к вышесказанному, – произнес Томас. – Я знаю, что теперь наша очередь принимать решение и высказать его вам. А ваш сегодняшний визит я воспринимаю как попытку давления.

– Мое предложение не изменилось, но я посчитал необходимым проинформировать вас о двух моментах, которые вам следует знать.

– Вы уже сказали... – Взгляд Томаса стал скептическим, а жест, которым он обвел остальных присутствующих, вряд

ли можно было назвать дружественным.

– Во-первых, до нынешнего момента я был уполномочен обсудить с вами отчуждение земель и переселение. Каждый день новое агентство назначают ответственным за лесное хозяйство и охрану природы. Меня могут перевести в любой момент. Это приведет к затягиванию переговоров, которые и без того тянутся долго. С моей точки зрения, будет жаль потерять столько времени, уже потраченного на дело. И я хочу заметить, что я искренне сомневаюсь, что вам предложат те же условия, что предлагаю я, если я больше не буду заниматься вашим вопросом.

– Интересный способ надавить на нас, – нетерпимо бросил Томас. – Я так понимаю, что, если мы не послушаем его, они применят к нам те же меры, что и к остальным. Они отберут у нас участки и поля, а когда люди начнут задыхаться, предложат взамен крохи.

Незнакомец вскочил и наклонился вперед:

– Дон Томас, мы давно знаем друг друга, и меня удивляет ваше упрямство. Не я пишу законы, но мое дело – их защищать. Статья три закона о восстановлении лесного массива и управлении сельским хозяйством обозначила природоохранную зону, чтобы перевести землю в общее пользование и чтобы она могла быть полезна всем жителям страны. Власти располагают любыми возможностями, чтобы занять попавшие в нее владения, при обоюдной пользе для обеих сторон, в частности для вас. С самого начала я советовал вам не

тратить деньги на адвокатов, потому что они не смогут ничего сделать против закона. Я предложил вариант с переселением, но вы сообщили, что на это нет ресурсов. Я предложил подписать бумаги о временном отчуждении в пользу государства и поделить доходы от лесозаготовок, но вы выразили недоверие. Я предложил хорошую цену – гораздо лучше, чем предлагали жителям других поселков, – а вы (от лица председателя собрания, коим являетесь до сих пор) заявили, что это смешно. Так вот сейчас за этим столом собрались те, кто согласился, что мое финансовое предложение лучше, чем они ожидали. Гораздо лучше, чем, скажем, то, что они получают в случае отказа продать землю, когда власти решат насильно их выселить.

– Вы повторяетесь. Это мы уже слышали. Какой второй аргумент?

Тон незнакомца больше не был дружелюбным, когда он заговорил с отцом Алиры вновь:

– Поскольку ваши земли и этот дом расположены в стороне и представляют собой самостоятельное владение, мы решили, что далее переговоры будем проводить без вас. Если хотите знать мое мнение, вы совершаете самую большую ошибку в своей жизни. Испания шагает в ногу со временем, но не здесь. Будущее наших детей – в городах, где есть работа. Местные жители вымирают. Сказать начистоту, я вас не понимаю. Не понимаю, почему вы желаете жить в прошлом веке?! Такой шанс выпадает раз в жизни, а вы с женой хотите

его упустить!

– Если этот шанс предлагает перечеркнуть века истории, – произнес Томас, – пошел бы он к черту!

В этот самый момент Алира ощутила, как на ее плечо легла чья-то рука, и вздрогнула. Элехия наклонилась к ней, прижав палец к губам. Она взяла дочь за руку и отвела в кухню.

– Не спится, Алира? – шепнула она уже там. – Налить тебе молока?

Девочка кивнула.

– Я все слышала, мама.

– Знаю. Я была там.

– Но я ничего не поняла! Зачем тот человек угрожает папе? Зачем он хочет нас прогнать?

– Они хотят купить наше поместье и дом, но мы не продадим, не бойся.

– А что такое «власти»?

– Ненасытный хищник. – Мать, казалось, размышляла вслух. – Если не война, то законы нас уничтожат. Они не позволят нам спокойно жить.

– Тогда мы его убьем.

– Давай-ка иди спать.

Алира допила молоко, поцеловала мать в щеку и вернулась в комнату с решимостью, с которой произнесла последнюю фразу. Она забралась в постель и натянула одеяло на нос. Девочка слушала сопение старшего брата и наблюдала за лунным светом, пробивавшимся сквозь щель в ставнях.

Это была самая обычная ночь, с ее тенями и шорохами. Но Алира все размышляла над услышанным. Впервые в жизни она испугалась и пожелала смерти тому, кто заставил ее семью страдать. Она снова выбралась из кровати и пошла в смежную комнату. Рядом с большим окном, выходящим на юг, стоял швейный столик матери. Девочка открыла набор и вытащила ножницы, затем тихонько спустилась по лестнице и пробралась в пустынную прихожую. Разгоряченные голоса, доносившиеся из столовой, подтверждали, что собрание скоро не закончится.

Девочка подошла к красной бархатной скамейке, где гости оставили верхнюю одежду и шляпы. Нетрудно было догадаться, какая принадлежала незнакомцу, решившемуся отобрать дом и землю у ее родителей и соседей. Сгорая от волнения, она принялась кромсать подкладку.

«Надеюсь, она стоит дорого! – думала она. – И надеюсь, эта вещь очень дорога тебе! Может, это подарок жены, может, другой у тебя нет...» Этот человек заслужил то, что получил. Пусть знает, что ему здесь не рады!

Решив, что одежда уже достаточно пострадала, девочка свернула ее и убрала на место. Та ночь была не по-осеннему теплой. Если повезет, хозяин не наденет плащ, когда будет уходить, а перекинёт через локоть. К тому моменту, когда хозяин обнаружит порчу, он будет далеко. На нее даже никто не подумает... зато она сама будет помнить. Слово «справедливость» возникло в голове, хотя девочка не до конца по-

нимала его значение. Она знала, что поступила нехорошо, но ей самой стало легче. Алира закрыла глаза и помолилась, чтобы ее не коснулся гнев родителей или бога, который, по словам священника, видит все.

– Если вы поступили скверно, – повторял он на службе, – возмездие вас настигнет.

Со временем эти слова постоянно всплывали в памяти вместе с текстом песни Deep Purple «Child in Time». Она повторяла их, когда кто-то совершал дурной поступок. Если виновного сразу не срезало пулеметной очередью, нужно было закрыть глаза и ждать, пока пуля не срикошетит, потому что рано или поздно это случится. Алира не жалела о сделанном, но боялась наказания, когда бы оно ее не настигло... или оно уже ее настигло, да только она не заметила.

С той самой ночи Алира с горечью вспоминала, как город начал вымирать. Как мерцающие тревожные лампочки, пустеющие дома предрекали близкий финал. Это был грустный и тревожный знак. Земля Алкиларе отошла сперва государству, а потом – сорнякам. Семья Алиры наблюдала, как жестокая судьба уничтожает вековую историю, что уже сотворила в сотне других похожих мест. Запустение было подобно чуме. Как однажды сказала ее мать, чума в самом деле убивает, убивает еще при жизни.

Несколько лет спустя Алира уже не узнавала деревню и не могла найти связь между воспоминаниями о некогда полном

жизни поселении с реальным положением вещей. Среди руин и одиночества, ставших на многие годы их единственными спутниками, осталось место лишь упрекам. Может быть, послушайся родители семью Аманды, жизнь была бы иной?

Но время течет стремительно, и сделанного не воротить. Сейчас женщина переживала, наверное, худшие мгновения в жизни. Стоя в центре обезлюдевшей площади, ставшей символом печального конца истории, Алира думала, что окрестная земля превратилась в мрачный эвфемизм того, чем была прежде. И женщина приходила в ярость от ощущения неумолимо наступающего увядания...

3

SIEMPRE IGUAL⁴

Los Suaves

Суббота, 27 января

Закатные тени скользили по сосновому лесу в сторону холма, на котором стоял особняк Элехии, наполняя на него подобно незримым потокам лавы, пожирая на своем пути тусклый зимний свет. В любых других обстоятельствах Алира бы наслаждалась пейзажем, но сейчас от его вида бросало в дрожь. Женщину терзало предчувствие чего-то неотвратимого. Она постаралась поскорее избавиться от мрачных дум с помощью более радостных: встречи с Амандой и Ирэн. Она всегда с нетерпением ждала их ежемесячных посиделок. Конечно, на сей раз радость встречи будет омрачена мыслями о необходимости продать поместье. Впрочем, подружки могли ей чем-нибудь помочь.

Женщина ухватила за позитивную идею и отправилась домой, чтобы собраться. Когда одолевали дурные мысли, единственное, что могло сработать, – это найти себе занятие, которое поможет их побороть. Не важно какое. Утро Алира провела, подрезая деревья и кусты в саду, а днем чинила

⁴ Всегда одно и то же.

и натурала воском старую мебель, потом кормила кур, сменила воду и собрала лучшие яйца. Но прогулка, чтение и встреча с подругами были самыми действенными вариантами. Спустя пару часов, приготовив ужин для матери и брата Томаса, уже после заката, Алира выехала в Монгрейн – маленький городок в двадцати пяти километрах от дома. Там жили ее друзья, там же она когда-то училась в школе, после того как Алкиларе обезлюдел. В те годы отец подвозил ее до развилки с главной дорогой, где она садилась в школьный автобус, забиравший детей из отдаленных деревень и отдельных поместий и подростков, которые ходили в колледж в Монгрейне.

В памяти вспыхнул момент прощания со старым сельским учителем из маленькой школы в Алкиларе, где в итоге осталось только трое учеников, включая ее саму. Она стояла тогда, понурившись, в шоке от тишины, внезапно пришедшей на смену шуму и суете, и страха перед неопределенным будущим. Аманда, напротив, весьма воодушевилась переездом в город, пусть и маленький, с мощными камнем улицами, машинами и магазинами и всего около сотни детей, распределенных по двум-трем школам. Алира старательно боролась с боязнью неизвестности и постепенно привыкла. С тех пор прошло много лет, и это уже было не столь важно: Монгрейн стал частью ее жизни. Прежде она там училась, теперь ездила за покупками, по административным делам семьи, встречалась с подругами в одну из суббот каждого ме-

сяца; иногда к ним присоединялся Сезар. Если бы не болезненная привязанность к поместью, женщина вполне могла бы жить здесь.

Из-за темноты и тумана, который с каждым километром все больше сгущался, видимость падала, но Алира помнила дорогу наизусть. Вскоре после выезда из Алкиларе густые леса и ломаные линии пейзажа постепенно отодвигались, а рощи падубов, каменных и широколистных дубов еще тянулись, пока не упирались в бесконечную полосу пашен, где мелкие группки кустарников ютились вдоль дорог и ирригационных канавок. То здесь, то там монотонность ландшафта разбивали свечи тополей и лип, указывая на то, что рядом есть источник. Земля все еще дремала и должна была пробудиться лишь через пару месяцев, подарив жизнь первым зеленым побегам люцерны, кукурузы и подсолнечника, желтым цветкам рапса и белым – миндаля и фруктовых деревьев.

Монгрейн был центром области и раскинулся на склоне холма у подножия внушительного замка, который притягивал взгляд, заставляя любоваться лишь собой одним, отвлекая внимание от печных и заводских труб. Но той ночью крепость сплошь затянул туман. Населенный пункт – невероятная смесь сельского хозяйства и промышленности – разросся, превратившись в городок с современной застройкой, прелестным старым центром, прежде таким шумным, а теперь тихим и полупустым, где всего лишь несколько домов были

заселены, да и то стариками или иммигрантами.

В подвале одного двухэтажного домика располагалось то самое кафе, под названием «Сьемпре», в котором Алира с друзьями частенько отдыхали в юности. Там был маленький бар, заставленный столиками с коваными ножками и белыми мраморными столешницами, а внутреннее убранство и музыка – поп и рок хиты XX века – оставались неизменными с той поры. Здесь Алире казалось, что жизнь течет не так уж стремительно, годы похожи один на другой, мало что меняется, и эта мысль радовала и огорчала одновременно, как бы странно это ни звучало. Иной раз женщина сожалела, что ее жизнь застыла на месте, но в то же время ее утешала теплая компания Аманды и Ирэн, их воспоминания о студенческой «шайке» и общих друзьях, как будто не было пролетевших лет или как будто прошлое возвращалось с помощью волшебства слов.

Судя по пустым стаканам, подруги сидели в баре уже давно. Обе поднялись навстречу Алире, чтобы с ней поздороваться и расцеловаться. Потом они уже вместе сели за столик, заказали еще выпивки и принялись обмениваться новостями последних недель. Они не виделись с кануна Рождества. В отличие от Алиры, которая мало с кем виделась, у Аманды и Ирэн вторая половина декабря и первая – января были забиты делами под завязку: подготовкой к празднику, корпоративами и семейными посиделками. Так что подругам было что обсудить. Они говорили о прошедших

праздниках, о семье, отвратительной погоде, холодной и туманной, которая страшно раздражала, заставляла ежиться и постоянно потирать руки, потому что сырость липла к коже, проникала под одежду и в дома сквозь любую щелочку. Алира старалась удержать нить разговора и прикидываться жизнерадостной, но постоянно отвлекалась: проблема прочно засела у нее в голове.

– Я уже скучаю по Рождеству, – призналась Аманда. – Мне с каждым разом все труднее возвращаться к работе.

– А мне нравится, – возразила Ирэн.

Аманда беззлобно ткнула подругу локтем:

– Ну, конечно! Дети идут в школу, а родители сидят дома.

Особенно политики.

– Звучит трагично, – туманно улыбнулась собеседница, так что было не совсем понятно, согласна она или нет.

Аманда смеялась, болтала, поигрывая зажигалкой, закинула ногу на ногу и наклонилась вперед, как будто хотела сообщить что-то невероятно важное. Она была красивой и немного нервной женщиной. Ее волосы, недавно еще темные и вьющиеся, теперь были идеально выпрямлены и уложены, но каждую пару секунд она убирала за ухо локон, а потом касалась пальцами виска, возвращая его на место, так что браслеты на ее руках весело звенели. Она любила облегающие платья с широким вырезом и обувь на шпильке, чтобы не казаться маленькой рядом с друзьями, а еще – и она открыто это подтверждала – быть как можно привлекательнее,

поскольку в очередной раз находилась в «активном поиске». Бывший муж, адвокат из Мадрида, с которым она прожила много лет, ушел от нее к двадцатилетней девице, и женщине понадобились пара лет и несколько визитов к психологу, чтобы вылечиться от депрессии. Утешение она нашла в Монгрейне. Вскоре после этого ее уволили из мадридской газеты по сокращению штатов из-за экономического кризиса. Двое ее старших детей учились в колледже, а она сама устроилась на местное радио. Она старалась не показывать, как сильно скучает по годам, проведенным в шумной столице, но друзья знали, что она все еще ищет подходящую тематику, по которой может написать книгу или снять документальный фильм.

Ирэн была счастливо замужем за Сезаром вот уже двадцать лет. Сильная и энергичная, она признала наконец, что ее личная маленькая война с лишним весом была с треском проиграна, и приняла поражение с юмором. Она носила просторные и веселые наряды, которые резко контрастировали с ее любимым жемчугом и белым золотом, и густыми высветленными локонами с каштановыми корнями, темными, как и ее глаза. Она была искренней и полной жизненной энергии. Ее страстью были работа учителем и школе и семья. Она заявляла, что три подростка дома помогают понять учеников, поскольку могут многое разъяснить.

Алира оставалась самой замкнутой. Она привыкла к рутине и простоте, коей придерживалась и в одежде. Она носи-

ла удобную короткую стрижку и почти не пользовалась косметикой, чего подруги искренне не понимали. Как они считали, ее огромным глазам и гладкой коже нужны лишь пара штришков подводки и помада, чтобы сделать их обладательницу еще красивее. Алира никогда не любила быть в центре внимания и хотя всерьез не увлекалась поиском партнера, вынуждена была признать, что это не так уж просто. Для нее быть с кем-то вместе означало понимать ее болезненную привязанность к дому и земле. Ее главный в жизни роман потому и развалился. По иронии судьбы, продай они поместье, этой проблемы бы не возникло. Впрочем, возникли бы другие: в ее возрасте, даже если она внезапно столкнулась бы с мужчиной, с которым решила бы провести оставшуюся жизнь, она бы не смогла изменить своим привычкам.

– Алира! – Аманда так неожиданно ее окликнула, что подруга вздрогнула. – Ты вообще слушаешь, о чем мы уже десять минут говорим?

– Простите, – извинилась она. – Задумалась. Я сегодня сама не своя...

– Почему?

Алира дернула плечом. С одной стороны, она хотела поделиться новостями, с другой – не знала, стоит ли.

– Не знаю, – наконец ответила она. – Наверное, из-за тумана. Не люблю его.

Аманда созерцала ее некоторое время недоверчиво, но допытываться не стала, а спросила вместо этого:

– Слышала, что Ирэн сказала о Сезаре?

– Прости, Ирэн, – покачала головой Алира. – А что с ним?

– Да кто бы знал! – посетовала подруга. – Каждый день

наши отношения охлаждаются. Ты меня знаешь, я «живчик».

Я не могу вынести, что мой муж относится к редкому сор-

ту мужчин, начисто лишенному сексуальной неукротимости,

которому вполне достаточно любви, нежности и мира в до-

ме. А, к черту всё! – Она прикрыла руками щеки, будто пря-

тала смущение. – Мой стакан пуст!

Алира улыбнулась, но ничего не сказала. Обычно Ирэн не

говорила с подругами об отношениях с Сезаром, потому что

помнила, как тот был влюблен в Алиру в юности. Среди них

не принято было говорить на интимные темы, более того,

дружба – это одно, а личная жизнь – совсем другое.

– Рутинка убивает, – прокомментировала Аманда.

– Точно. Но мы должны с ней бороться. Я пригрозила, что

найду себе другого, а он только посмеялся, потому что знает,

что я не стану этого делать, – грустно вздохнула Ирэн. – Я

жить без него не смогу.

Алира не слишком беспокоилась на этот счет: брак подру-

ги был нерушим, как скала.

– Итак, Алира. – Аманда положила руку на колено подру-

ги и поинтересовалась хриплым голосом прожженного ку-

рильщика, совершенно не вязавшимся с ее ослепительной

внешностью: – Теперь ты расскажи, что *у тебя* случилось.

Ты все время витаешь в облаках! Скажи, что ничего серьез-

ного! А то все кругом говорят о болезнях... болячках, бессоннице, вагинальной сухости. Чертов кризис среднего возраста! Ненавижу его. И ненавижу вести себя, как восьмидесятилетняя старушенция!

Алира сделала глоток рома с лимонадом, покрутила бокал перед глазами, наблюдая за кубиками льда, глубоко вздохнула и призналась:

– У меня серьезные проблемы с деньгами.

Она чувствовала удивление, с которым подруги смотрят на нее. Им было трудно ее понять. Они полностью друг другу доверяли, но никогда не заглядывали друг другу в карман. Женщина живо представила себе, как сотни предположений роятся в голове подруг. Они не могли взять в толк, как эта женщина, нигде не работавшая, чья семья в свое время отказалась продать поместье, потому что не нуждалась в средствах, которая могла себе позволить содержать прислугу, владеть дорогими украшениями и антиквариатом, чей бизнес не проседал ни в кризис, ни после смерти мужа Элехии, могла иметь финансовые проблемы. Но на самом деле особняк был роскошным склепом, в котором хозяйка с матерью медленно чахли. И постоянные причитания Элехии потихоньку выводили женщину из себя. Она слишком долго их выслушивала!

– Прости, Алира, – Ирэн первой обрела дар речи, – вас обманули мошенники?

– Нет.

– Игромания?

– Тоже нет.

– Тогда что?

– Да... в это трудно поверить. Но такова жизнь. Мама никогда не платила пенсионные налоги, а потому не получает пенсию. Сумма, завещанная папой, очень маленькая, ее не хватает на обслуживание дома. Налоги на собственность только растут, и на них тоже не хватает. Последний арендатор ушел на покой. Скота у меня мало. Надо было купить больше, но я не озаботилась, а теперь уже не смогу. Что же до особняка, в нем толком не закрываются окна, а поменять их я не могу, так что внутри все время холодно. Брат приносит дрова для камина, но их мало, а заказывать выходит недешево. Я постоянно мерзну. Мне пришлось снизить ставку Крины, нашей горничной, а сама я не справляюсь. И мама потихоньку выживает из ума. – Глаза ее подернулись пеленой слез. – И садовнику в этом году заплатить нечем. Мои сбережения почти на нуле.

Алира удивилась, какое облегчение испытала, излив наконец душу, как будто слова уже месяц только и ждали, чтобы слететь с языка. «Может, выражать эмоции открыто не так уж и плохо, – подумала она. – Настоящие друзья всегда выслушают и утешат, а это уже немало. Хотя советом они едва ли смогут помочь...»

Когда женщина замолчала, повисла длительная пауза. Слов поддержки и утешения ни у кого не нашлось. Аманда

и Ирэн отвели глаза, с трудом переваривая информацию.

– Даже и не знаю... – наконец грустно заключила Аманда. – Не знаю, что сказать...

Ирэн вздохнула и сочувственно спросила, хлебнув пива:

– То есть ты хочешь продать поместье?

– Иного выхода я не вижу. Я столько всего испробовала! Я пыталась найти работу – любую, какую мне могут предложить в этом возрасте и без опыта, – но зарплаты все равно хватать не будет. И что мама будет делать столько времени в одиночестве, когда я ей так нужна? – Алира уронила голову на руки, спрятав лицо в ладонях. – Мой дом – это ненасытная утроба. Многие поколения долгие века владели им, а мне теперь придется продать и его, и землю. И то, и другое. Их нельзя разделять – это будет святотатство! – Ее голос дрогнул. – А я умру от горя.

Ирэн протянула руку и в жесте поддержки сжала ладонь подруги:

– Мне очень жаль, Али, правда. – Она сделала паузу, подбирая слова. Она была не уверена, что как-то сможет утешить Алиру, но очень уж хотела поддержать. – Давай поищем положительные моменты. Другие люди тоже пережили тяжелые времена, даже еще худшие, и у них не было твоих возможностей. Может быть, кто-то ищет особняк под маленький деревенский отель. Это сейчас модно. А на вырученные средства ты сможешь купить квартиру или дом поменьше здесь, в Монгрейне, и вести нормальную, тихую

жизнь.

Алира промолчала. Иногда практичность Ирэн выводила ее из себя, но на сей раз обманываться не стоило: подруга была права. Месяцами – в том числе и сегодня – она размышляла об этом на руинах Алкиларе и пришла к выводу, что это логичный, разумный и обоснованный выход... который оставит незаживающую рану на ее сердце. И можно ли точно оценить ее наследие, физическое и эмоциональное достояние, которое никто никогда не оценивал? Которое ни разу не видело запустения и разрухи, как другие? Никто не сможет заплатить такую сумму.

– А что твои братья говорят? – вкрадчиво поинтересовалась Аманда. – Чем-то же они должны помочь...

Братья... Алира фыркнула. Она сама не могла взять в толк, что братья, рожденные в одном доме и воспитанные одинаково, могли вырасти столь разными. Томас был странноватым, но с каждым годом сестра убеждалась, что ему больше подходит эпитет «потерянный». Херардо привык к городской жизни и вместе с женой Тельмой уже считал дом своей собственностью. И если особняк не продадут, он впоследствии отойдет его сыну Хану, которому все равно придется сбить его с рук и, возможно, первому встречному, потому что мальчик никогда не жил и не станет жить там. Старший брат ни во что не вмешивался, но постоянно жаловался на отсутствие средств.

– Ты же знаешь Томаса, – продолжила Алира. – Он живет

в своем мире, и на него нельзя рассчитывать. Херардо – далеко. В любом случае, владелица – я, как старшая дочь. И я должна заботиться о маме до ее смерти, как и она ранее – о своих родителях, чем я сейчас и занимаюсь.

– Если честно, Али, – осторожно произнесла Ирэн, – то мне порой кажется, что ты рассуждаешь о каких-то средневековых понятиях.

– А что мне еще делать? Меня так воспитали.

– Ну... не знаю. Ты можешь измениться, поменять мировоззрение. Это ведь *твоя* жизнь! Наслаждайся ею. Нам ведь не так много осталось...

– Как ты только что сказала, это *моя* жизнь. А моя жизнь – это мой дом и мое прошлое. Ты ведь знаешь!

– Знаю. – Ирэн подняла руки в знак добровольного согласия. – И спорить с тобой не буду.

– Может, есть какой-то компромисс? – предположила Аманда. – Как сказала Ирэн, например, открыть деревенский отель. Например, ты можешь сдавать комнаты.

– Сдавать комнаты? В смысле? *Пусть чужих на порог?!*

– Да боже мой, Алира! – Собеседница возвела взгляд к потолку. – Понимаю, тебе кажется странным то, что для нас двоих естественно. Но взгляни на это с другой стороны. Ты можешь сперва поговорить с заинтересованными людьми. Твой дом такой старый, красивый и необычный! И ты можешь сама выбрать, что тебе больше нравится. Сколько у вас свободных комнат? Три? Четыре? Значит, гостей поместится

не так много. Можно установить разные расценки на выходные и на длительную аренду. Многие сейчас мечтают жить в деревне, а Алкиларе особенно привлекательна, потому что осталась нетронутой цивилизацией! С нынешним развитием транспорта расстояний больше не существует. Только аренда спальни будет стоить как минимум три сотни в месяц. А возможность готовить или если ты сама будешь готовить – к примеру, завтраки и ужины, – это дополнительный доход! – Аманда расхохоталась. – Сама посуды, ты уже будешь получать на полторы тысячи больше, чем сейчас! И не говори мне, что тебе это не поможет!

– Отличная идея, Алира, – поддержала подругу Ирэн. – Взвесь «за» и «против» и скажи нам, что решила.

Собеседница признала, что предложение и впрямь звучит заманчиво. И как она сама не додумалась? Но она сделает все возможное, чтобы не продавать поместье.

– Обещаю все обдумать. – Женщина измученно улыбнулась. – Но пока это все. Мне придется привыкнуть к тому, что люди ходят туда-сюда по дому, трогают мои вещи... Непросто будет отказаться от семейного уединения...

«Потому что мое личное пространство не в счет», – добавила она уже мысленно. Аманда и Ирэн переглянулись, довольные тем, что подруга начала мыслить вслух. Это означало, что ее мозг снова заработал в нужном направлении. Теперь уже Аманда накрыла руку подруги своей.

– Я тебе помогу, – предложила она. – Я сама сниму у тебя

комнату.

– Seriously? – Алира не скрывала приятного удивления.

После развода Аманда снимала маленькую студию, а когда дети приезжали из Мадрида на выходные, они останавливались в более просторной, старой квартире матери, где они с подругой в юности частенько секретничали, когда Алира приезжала к ней в Монгрейн.

– Какая разница, где жить – там или здесь, – пожала плечами Аманда. – Мальчики навещают меня все реже: им это место не очень-то нравится. Они взрослеют, у них появляются свои планы. Все нормально, Алира. Честно говоря, мне нужны перемены. Пообещай, что придержишь для меня комнату! Ту самую, с зеркалом на двери ванной! – Она снова рассмеелась. Подруга обожала эту спальню, полную старинных вещей, с громоздким гардеробом из красного дерева и удобной раковиной. – Что ж, поскольку все уже решено, я оставлю вас ненадолго. – Она порылась в сумке в поисках пачки сигарет и вытащила одну. – Я вернусь.

Алира наблюдала, как Аманда легко пробирается к двери через толпу, скопившуюся у бара, и продолжила обсуждать наиболее болезненную тему с Ирэн, которая с помощью мобильных приложений и записей, сделанных на салфетках, уже подсчитывала, сколько времени и средств понадобится, чтобы осуществить их авантюру. Не прошло и пары минут, как возвратилась Аманда. А потом вдруг их слуха достигли гитарные аккорды, и подруги обменялись заговорщицкими взглядами.

– Боже мой, это знак свыше! – воскликнула Аманда.

Все трое знали наизусть слова песни «*Siempre igual*», в которой говорилось о тоскливой рутине и ужасном похмелье после ночных застолий, да и мелодия была жутко привязчивая. Певец хриплым голосом проклинал утро, холодное и сырое, ненавидел своего босса, который постоянно злился на него за опоздания, а бедняга уже десять лет печатал на машинке и мечтал однажды выиграть в лотерею, и переменить наконец жизнь. Однако любимая девушка его не слушала, его обед остыл, он считал, что судьба к нему несправедлива, погружался в мечтания, а потом все равно возвращался к прежней жизни, и так раз за разом, как белка в колесе. И каждый день был похож на предыдущий.

– Почему это знак? – изумилась Ирэн.

– Ни за что не угадаешь, кто сейчас болтает с Сезаром! – отвечала подруга, слегка повысив голос. Она была очень возбуждена.

Алира обернулась, и ее сердце замерло. Шум и голоса вокруг внезапно стихли, и женщине померещилось, что ее захватил торнадо и перенес в то же самое место, но только в дни юности...

4

TAKE ANOTHER LITTLE PIECE OF MY HEART⁵

Janis Joplin

Суббота, 27 января

Пришел Сезар с каким-то мужчиной, и сердце Алиры затрепетало. Так происходило всегда, когда они виделись, даже спустя многие годы. И она ничего не могла с собой поделать, это было выше ее сил. Ее жизнь текла, как обычно, пока очередная неожиданная встреча не воскрешала дремлющие чувства. *Адриан*. Ее юношеская любовь и лучший друг Сезара.

«Он ведь жил в Буэнос-Айресе...» – подумала женщина. Они не виделись очень давно, но мужчина совершенно не изменился: та же фигура, та же улыбка, те же безупречные манеры. Время, казалось, было над ним не властно.

Ирэн и Алира поднялись навстречу.

– Дома было скучно, – признался Сезар, поприветствовав жену поцелуем, – и мы зашли выпить. А это кто пришел? Адриан, какая неожиданность! Он сказал, что приехал в от-

⁵ Возьми еще частичку моего сердца.

пуск на несколько недель.

Гость расцеловал Ирэн в обе щеки, а затем повернулся к Алире.

– Шикарно выглядишь, – произнес он, – как и всегда.

Это была просто обычная, вежливая фраза, но женщина ощутила, как кровь приливает к щекам, как будто ей всего пятнадцать. Привычный насмешливый тон, который мужчина не утратил за годы, слегка ее рассердил, но Алира снова почувствовала себя юной.

– Спасибо, ты тоже, – ответила она и улыбнулась, как всегда делала прежде: Адриан вернул ей улыбку.

«Он почему-то грустный», – подумалось Алире. Может быть, что-то все-таки изменилось.

– Кому же дают несколько месяцев отпуска? – встряла Аманда.

– Я просто решил перейти в другую компанию, а заодно отдохнуть немного. Надеюсь, до пенсии мне не придется больше ничего менять.

– А разве получше места, чем Монгрейн, не нашлось? – продолжила подруга с любопытством. Она знала, что родных у мужчины в этом городе не осталось.

– Я много где побывал и могу с уверенностью сказать, что есть. Но Дунию очень огорчила смерть единственного брата, и ей неплохо было бы ненадолго сменить обстановку. Поэтому она подписала бумаги о продаже собственности и решила приехать вместе со мной туда, где я родился и вырос.

«Значит, с ним Дуния», – мелькнуло в голове Алиры. Эта голубоглазая красотка была богата и известна в киноиндустрии. Такая могла себе позволить разделить судьбу с Адрианом. Ее бы не расстроило, если бы гость овдовел или развелся, но в этом случае Сезар рассказал бы им.

– А Дуния тоже придет? – поинтересовалась Ирэн, ища кого-то взглядом.

– В бар – нет. Мы приехали всего пару дней назад и толком не успели отдохнуть. – Адриан снова улыбнулся. – Как я рад вас снова видеть!

– Как жаль Дунию! – посетовала Ирэн. – Сезар рассказал мне о ее брате. Он был такой молодой!..

– А где вы остановились? – снова вмешалась Аманда, которой не хотелось говорить о смерти.

– Пока в новом отеле. А потом снимем квартиру.

– Мы только что об этом говорили... – Аманда указала на подругу. – Ты помнишь ее чудесный дом?

– Как я мог забыть! – отвечал Адриан, взглянув на Алиру. – А ты все еще живешь там?

Женщина кивнула, чувствуя, как сердце колотится. Она уже знала, что дальше скажет Аманда: иногда подруга бывала слишком своевольной.

– Алира собирается сдать несколько комнат. Почему бы вам не пожить с нами? Я бы тоже туда переехала. Как было бы здорово снова оказаться под одной крышей после стольких лет! Вам так не кажется? – засмеялась она. – Прямо как

в кино «Друзья Питера»... – Она замолкла, внезапно припомнив сюжет, и быстро оговорилась: – Я, конечно, не хочу сказать, что кто-нибудь умрет...

Адриан расхохотался, потом взглянул на Алиру и произнес:

– Звучит заманчиво. Я поговорю с Дунией, и мы дадим ответ завтра. Но думаю, она будет не против.

Нечаянная мысль промелькнула в голове Алиры: почему бы не рискнуть? Нет ничего неизменного. Да, они уже не столь молоды, чтобы обманываться. Жизнь всегда подбрасывает возможности, а сейчас было самое время начать заново. Может быть, это и был тот последний шанс, чтобы все изменить.

– Мне потребуется неделя, чтобы все устроить, – произнесла женщина с воодушевлением.

Время не ждет, пора решиться на сумасшедший поступок, сейчас – или никогда.

Алира ощутила приятное покалывание в животе. Что-то должно измениться. Надо было действовать, разбить монотонность жизни. Может быть, на этот раз все будет иначе. Может быть, получится вырваться из заколдованного круга однообразных лет.

Вернувшись домой морозным январским утром, Алира вспоминала яркие моменты из прошлого. Она отбросила тревожные мысли о том, сколько забот ей доставит сдача комнат, как к этому отнесутся мать и брат. Слова, события и

чувства, преследовавшие ее все эти годы, которыми она жила будто во сне, пока судьба вновь не свела ее с Адрианом...

Она отлично помнила, как начались их отношения и как они закончились.

Адриан был высоким, темноволосым мальчуганом, сидевшим на задней парте. Он на всех смотрел с легкой насмешкой, поскольку был самым красивым и умным в классе. Юная Алира воображала, как Адриан подходит к ней и приглашает на свидание, а она соглашается – и так началась бы их история любви, которая продлилась бы многие годы, пока они не покинули бы этот мир, рука об руку, в окружении прекрасных детей и внуков. Но реальность была иной.

Она нравилась Сезару, и он дал это понять, прислав ей коротенькое стихотворение. Но Алире нравился Адриан, а самому Адриану нравились только самые красивые. Тогда он встречался с девушкой из старших классов, и юная Алира прятала свою душевную боль на руинах Алкиларе. Она брала плеер и отправлялась гулять по заброшенной деревне. Девушка добиралась до бывшей главной площади и садилась на единственную каменную скамейку, вокруг которой она самолично выволола всю крапиву. Она проводила часы, слушая песни, чьи слова стали понятны лишь тогда, когда она сама влюбилась.

«Он не разобьет тебе сердце,

Не заставит рыдать от любви.
Утром снова солнце взойдет...»

Девушка помнила все эти песни наизусть и повторяла, думая об Адриане. Она хотела стать ветерком, чтобы ласкать его волосы, подарить ему луну, быть облачком на небесном склоне, дождиком и погрузиться в мечты. Тогда для нее, как и для всех ее друзей, наступило время надежд и мечтаний, а единственной ее мечтой был *он*. Когда же она окидывала взглядом свое увядающее окружение, то понимала, что слова «Лос Пекос» касаются не только ее любви к Адриану, но и всей ее жизни в целом.

Женщина воскресила в памяти моменты из детства, и те были сплошь счастливыми. Конечно, ей пришлось пережить немало: годы одиночества, смена школы, перемены, произошедшие с Алкиларе, – но влюбленность приносила радость, даже без взаимности, и ей хотелось забыть все неприятности и веселиться вновь. Конечно, подростку трудно сохранять оптимизм среди развалин, но ее романтичность, родившаяся на руинах домов и среди заброшенных могил, превращалась в пожар страсти.

Поскольку роман с Адрианом казался невозможным, однажды, поддавшись на уговоры более практичных, общительных и готовых к переменам друзей, девушка решила дать Сезарю шанс. Им тогда было всего по четырнадцать, они тогда играли в «Письма» в заброшенном доме в окрестностях

Монгрейна. Их школьная «шайка», состав которой менялся каждые выходные, в зависимости от семейных планов каждого, собиралась по субботам после обеда. Аманда пропустила большую часть этих «собраний», потому что ее семья жила в Алкиларе, но иногда родители ездили за покупками в Монгрейн и брали ее с собой, либо позволяли остаться в гостях у подруги детства.

Игра была увлекательной и простой. Пока большая часть компании слушала музыку по радио, кто-нибудь отправлялся в соседнее здание и, пользуясь лишь светом, проникавшим сквозь щели в крыше, сочинял кому-нибудь послание. Это значило, что участник хотел провести несколько минут наедине с адресатом. Сам факт такого послания уже означал особый интерес. Теоретически никто не знал, что происходило за закрытыми дверями, но на самом деле участники все равно делились с друзьями. Секреты манили своей таинственностью, даже если она была временной.

В тот раз в дом отправился Сезар.

– Я отправляю записку Алире, – послышался его голос.

Аманда и Ирэн со смехом захлопали в ладоши, а Алира, краснея, сделала еще одну затяжку марихуаны, после чего передала «косяк» подруге, встала и направилась внутрь, где присела рядом с Сезаром на узкую покосившуюся деревянную скамейку.

– Что думаешь о моем послании? – прямо осведомился молодой человек, не решаясь взглянуть на нее.

– Очень здорово, спасибо, – ответила девушка без особого энтузиазма, потому что на самом деле стихотворение показалось ей никудышным.

– Правда? – Сезар поднял голову, и его лицо озарила улыбка.

Алира кивнула.

– Значит, будешь со мной встречаться?

– Можем попробовать...

– Тогда можно тебя поцеловать?

– Можно. Только я не умею, – произнесла девушка, ощутив внезапный прилив страха и возбуждения. Марихуана сильно расслабляла, и потому курили они мало. Нельзя было терять контроль над собой.

– Я тоже еще не целовался, – признался Сезар тихо и нервно. – Так что ничего не обещаю.

Алира закрыла глаза и ждала. Между словом и делом расстояние было слишком велико. Девушка ощутила, как Сезар приблизился, наклонил голову и коснулся губами ее губ, замер на несколько секунд и отстранился. Поцелуй оказался Алире коротким, пустым и скучным, в то время как друзья рассказывали, что он должен был принести наслаждение. Она ничего особенного не почувствовала, кроме азарта от того, что делает что-то запретное, вроде курения травки. Родители понятия не имели, что их дочь сейчас навеселе и с кем-то целуется. Конечно, Сезар посторонним не был, он был милым и хорошим другом, приятным во всех отноше-

ниях... но *он не был Адрианом*. Возможно, будь Адриан с ними, это был бы счастливейший момент в ее жизни...

– Тебе понравилось? – спросил Сезар.

Алира открыла глаза и встретилась взглядом с его глазами, ясными и зелеными.

– Да, – шепотом солгала она.

– Я рад. Может, продолжим?

Девушка кивнула. «Может, со временем появится наслаждение», – подумала она. Она снова закрыла глаза и ждала. В этот раз Сезар не отстранялся дольше и даже слегка приоткрыл губы. Алира ощутила влажность, и это было приятнее, чем «сухость» первого раза. Потом она ощутила, как кончик языка юноши коснулся ее рта, и резко отстранилась.

– Прости, – повинулся тот.

– Ничего страшного.

– Может, лучше не торопиться? Как ты считаешь?

– Согласна.

В дверь постучали.

– Что вы там застряли?! – крикнула Ирэн снаружи.

Сезар поднялся и направился к выходу, но возле двери обернулся.

– Теперь твоя очередь, – произнес он, опасаясь, что на этот раз Алира позовет к себе Адриана, его лучшего друга.

Все вокруг знали, что девушка ходит по нему с ума, а он ее игнорирует, но в игре всякое могло случиться. Позвать можно было кого угодно, даже если у адресата была пара.

«Да, моя очередь», – подумала Алира нервно, когда Сезар вышел. Никто бы не удивился, позови она Адриана, но сама девушка не могла решиться на такой шаг. Она мечтала об этом моменте множество раз, и теперь шанс представился. Одна мысль о том, что она останется наедине с возлюбленным, приводила ее в трепет. Именно это она должна была ощутить, когда целовалась с Сезаром... может, стоит попробовать? В игре друзья друга не осудят, а даже если и так, чем это закончится? Не это ли удачный момент расквитаться с фантазиями или продолжить жить с ними?

Девушка глубоко вздохнула и произнесла:

– У меня послание для Адриана.

Ожидание тянулось бесконечно, даже голоса и смех снаружи, казалось, затихли. Зубы сводило от надрывного голоса певца, и каждый погрузился в собственные мысли. Возможно, все просто обалдели от ее смелости?

Адриан стоял в дверях, скрестив руки, и взирал на нее из полуопущенных век. Он был повыше Сезара и крепче, с длинными темными волосами и темными глазами. Алира заметила, что он несколько недоволен, что его позвали, он даже не сделал попытки приблизиться.

– Присядешь? – пригласила она, коснувшись ладонью скамейки.

– Мне и здесь хорошо.

Тогда девушка поднялась и подошла к нему сама:

– Не хочешь поцеловать меня по-настоящему?

– А в чем дело? Сезар так скверно целуется?

– Сейчас здесь *мы* вдвоем. Если ты поцелуешь меня, скажу всем, что ничего не было, а если откажешься – скажу, что было. Мое слово против твоего.

Алира ощутила укол совести, сейчас она была не права. Но когда еще выпадет шанс? Может быть, больше никогда.

– А я думал, что ты – синий чулок, – усмехнулся Адриан.

Он обнял ее за талию, притянул к себе и страстно поцеловал. Бедняга Сезар! Для него не осталось места в сердце девушки. Поцелуй Адриана был долгим. Юноша не стал дожидаться, пока девушка откроет рот, а слегка прикусил ее губу и касался ее языком, постепенно проникая все глубже. Он прекрасно умел контролировать дыхание. Алира не поспевала за ним, ей не хватало воздуха. Она и мыслить не могла, а лишь понимала, что поцелуй Сезара не шел ни в какое сравнение с нынешним. Сердце готово было выскочить из груди. Девушка положила ладони ему на грудь и отстранилась.

– Уже хватит? – осведомился Адриан ироничным тоном, который взбесил девушку.

Алира была уверена, что ей никогда не забыть этого поцелуя, подаренного ей единственной любовью, и все то, что ждало ее впоследствии, не могло с ним сравниться (разве что в худшую сторону). Ей было жаль, что не сможет больше ощутить сладостного озноба внутри. И хотя все уже закончилось, она желала большего. *Куда большего!*

– Я ожидала большего, – соврала она, – раз уж ты спросил.

Юноша обиженно вскинул брови. Он снова привлек девушку к себе, дерзко заглянув в глаза, и запустил руки под ее тонкий свитер. Он нежно ласкал ее талию, бедра, живот и грудь, пристально наблюдая за ее реакцией, а затем поцеловал еще более страстно.

На этот раз Алира знала, как дышать с ним в унисон. Она полностью отдалась во власть ощущений, прикосновений его губ, тепла его ладоней на спине, мягкости его кожи и его чудесных черных локонов под ее пальцами. Но внезапно Адриан замер и отстранился. Алира открыла глаза и успела заметить выражение скуки на лице молодого человека. Она хотела спросить, почему он так себя повел, и попросить продолжить, но он поднялся и вышел, а когда следом вышла она, юноша сказал, что хочет прервать игру, потому что не хочет никого звать. Он не взглянул на Алиру, не заговаривал с нею больше.

Остаток дня Алира не могла отделаться от мыслей и ощущений, что принесли ей несколько минут с Адрианом, которые она провела в объятиях недоступного мужчины, и упоения собственной разрушительной храбростью. Но радость эта была с горчинкой. Несмотря на растущее влечение к Адриану, девушка поняла, что не сможет доверять человеку вроде него. Не стоило с ним целоваться. И не стоило его шантажировать. Адриану стоило уйти, хлопнув дверью, как только он услышал ее слова, хотя бы из уважения к девушке, с которой встречался. Тем же вечером она во всем при-

зналась Аманде во мраке спальни, но подруга ее не осудила, ведь в игре можно всё – за то ее и любили.

– Мне стыдно перед его девушкой, – наконец призналась Алира шепотом.

– Почему?

– Это нечестно. Надо ей рассказать.

– Тебе никто не поверит, зато распусят слух, что ты просто ревнуешь. Пусть она лучше сама узнает. Не могу поверить, Алира, что ты волнуешься о его девушке!

Но Алире не казалось это странным. Ей была противна истинная натура Адриана. Но что он *о ней* подумал? В конце концов, она сама его спровоцировала!

– Более того, – продолжала Аманда, – ты сказала, что он резко остановился и ушел. Значит, ему тоже жаль. Вначале он поддался, а потом вспомнил о своей девушке и передумал.

С одной стороны, Алира была рада, что так вышло, ведь в глубине души она была без ума от их внезапного «свидания», но с другой – слова подруги звучали разумно. Лучше обо всем забыть. Адриан по-прежнему недоступен.

– Сезар предложил с ним встречаться, – вздохнула она.

– Так соглашайся! Он отличный парень.

Все последующие ночи Алира засыпала, вспоминая поцелуи Адриана, а внутри бушевал пожар от одной мысли о том, каким он мог быть в постели. Однако девушка приняла

ухаживание Сезара. Как и у всех новоиспеченных парочек, их свидания сводились к тому, что по субботам они встречались, гуляя, болтали, держались за руки и иногда целовались. Алира не стремилась сблизиться, потому что все еще грезила Адрианом и не хотела обманывать Сезара. С тех пор она поклялась, что никогда не сойдется с человеком, в которого не будет без памяти влюблена... а влюблена она была в Адриана. Тем не менее девушка не могла представить себе, как его полная юношеской энергии жизнь стекает к унылой повседневности. Конечно, воскрешая в памяти их мимолетные встречи, Алира в своем воображении превращала их в яркие образы, где чувства били через край. Одним из таких моментов был ее пятнадцатый день рождения.

Родители разрешили ей праздновать в особняке с друзьями, оставив молодых людей в доме одних. Пока Алира показывала окрестности тем, кто прежде у нее в гостях не был, она заметила, что Адриан будто бы ищет повод подойти и проявляет живой интерес ко всему, что она рассказывает. А когда позднее она отправилась за очередным напитком, молодой человек внезапно явился в ту же комнату под тем же предлогом.

– Ты мне не смешаешь «Куба либре»? – поинтересовался Адриан, протягивая стакан. Компания втайне от взрослых протащила в дом водку с газировкой.

Алира старалась не обращать внимания, как дрожат ее руки, пока она наливала напиток. Она старалась держаться

естественно, хотя вся была на нервах. Она протянула молодому человеку стакан, сопроводив жест робкой улыбкой. Ей хотелось продлить мгновение, чтобы ничто не прерывало их уединения.

Адриан приблизился и склонил голову:

– Али... Я не могу забыть то, что произошло в сарае...

А ты?

Девушка встретилась с ним взглядом.

– Я тоже, – призналась она, чувствуя, как горят щеки.

Тогда Адриан отпил глоток, взглянул на девушку, приоткрыл рот и склонил голову так, что капли жидкости скользнули по ее губам. Алира ощутила взрыв вкуса, у нее закружилась голова. Она подумала, что уже не сможет забыть этот день. Какой же чудесный возраст – пятнадцать лет! Требовалось только спросить его о самом главном – и тогда все будет просто отлично. Будто прочитав ее мысли, молодой человек вдруг спросил:

– Будешь со мной встречаться?

Она кивнула, а дальше наслаждалась поцелуями Адриана, пока не услышала голоса друзей и не отстранилась. Не хотелось, чтобы их застукали. Ей сперва следовало объясниться с Сезаром с глазу на глаз, и чем скорее, тем лучше, потому что она хотела обрести свободу, прежде чем отдаться Адриану. Так она и поступила в конце вечеринки, когда родители гостей приехали забрать их домой. Она призналась, что считает юношу другом, но влюблена в Адриана и просит от-

пустить ее.

Сезар согласился, но еще несколько месяцев они не разговаривали. Их дружба тоже подверглась испытаниям, но вскоре все вернулось на круги своя. Не первая и не последняя девушка на его жизненном пути бросила бы его, чтобы «закрутить» с лучшим другом: в том возрасте романы долго не длились, парочки были нестабильны, как и порождающие их гормоны.

Алира и Адриан встречались четыре года. В суетном Монгрейне, между учебой и субботними посиделками, их отношения развивались и крепились. Они собирались в колледж в большом городе и вскоре должны были достичь совершеннолетия. И хотя жить они собирались в разных квартирах: он – с парнями, она – с девчонками, – они смогли бы проводить ночи вместе, когда захотят, без спешки, правил и страха быть пойманными. Алира и подумать не могла, что между ними вдруг образуется пропасть.

В первый же год в университете открылись различия в стремлениях и начался разлад. По выходным Адриан хотел развлекаться, ходить на вечеринки, путешествовать, а она искала повода вернуться в Алкиларе, потому что в поместье всегда много дел: пора собирать грибы, полоть картофель, подрезать побеги, красить сарай, разливать вино, сажать и делать заготовки. Только после расставания девушка наконец поняла, что ее не прельщает бесконечная городская вольница и что ей не хватает надежности особняка Элехии

в Алкиларе.

Пара ссорилась все чаще, они начали искать причин не встречаться. Ежедневные телефонные разговоры свелись к одному в три-четыре дня, потом – раз в неделю. Отношения шли к закату. В одну из суббот зимой Алира решила зайти к Адриану без приглашения. Она решила сделать ему сюрприз, поговорить, прояснить ситуацию, найти решение, как им быть дальше, сохранив влюбленность первых дней. Она позвонила, и ей открыл незнакомый юноша.

– Заходи, – произнес он. – Закрывай дверь и присоединяйся.

В квартире было полно людей, часть из них она уже видела в компании Адриана, но большинство было незнакомо. Она прошла по коридору в гостиную и там наконец увидела Адриана. Он стоял, облокотившись на балконную створку, и оказывал знаки внимания девушке, открыто с ним заигрывавшей. Алира подошла ближе, чтобы молодой человек ее заметил, но тот не пошевелился. Их взгляды встретились на мгновение, и этого было достаточно, чтобы она поняла: между ними все кончено.

Уже спустя десятки лет, сидя на крыле автомобиля в полной темноте, скрывавшей девственную природу и отделявшей Монгрейн до Алкиларе, Алира понимала, что все эти годы любила Адриана, упрекая его за тот поступок, теряя столько душевных сил и времени. Тогда, в юности, он разбил

ей сердце, ни оставив ни осколочка. Она не помнила, когда боль при мысли о расставании с Адрианом наконец стихла. Она постепенно привыкла не говорить о нем, не расспрашивать и довольствоваться обрывками новостей из уст общих друзей, в частности Сезара и Ирэн.

Теперь в его жизни царила Дуния. Многие годы Алира ненавидела разлучницу, занявшую *ее* место, и избегала вечеринок, на которых пара появлялась вместе. Она единственная не пришла на их свадьбу и была рада, что пара много путешествовала по работе. Когда же они наконец встретились в кафе Монгрейн, когда им уже было за тридцать, женщине пришлось сделать над собой усилие, чтобы вести себя непринужденно и улыбаться. Но ей ничего не оставалось, кроме как принять вещи такими, какие они есть. Алира сосредоточилась на семье и доме. Для нее самой существовал лишь один путь, и нужно было отбросить все прочие варианты, как возможные, так и невозможные. И женщина выбрала поместье. Иной раз она сожалела об этом, но ни разу не подала виду, ведь, чтобы двигаться вперед, нужно забыть тщеславие, гордыню, самодовольство и самолюбование. Что она чувствовала глубоко внутри, никого не касалось – так уж ее воспитали.

Алира не вспоминала прошедшие годы до нынешнего дня. Однако, снова услышав его голос, заметив его улыбку и элегантные движения, представив, что его тело сохранило силу, которой так не хватало ей, женщина поняла, что ее

чувства снова вспыхнули, как пожар. Возможно ли такое после стольких-то лет? Неужели она так соскучилась, что раскрыла, не задумываясь, объятия прошлому, которое внезапно стало ее настоящим?

Сладостная дрожь пробежала по телу. Неужели они снова будут близки?

5

ABSOLUTE BEGINNERS⁶

David Bowie

Несколько месяцев спустя Понедельник, 25 июня

Ирэн поняла, что верно оценила эту женщину: ледяной взгляд Эстэр Варгас вновь пронзил ее насквозь. Младший лейтенант заставляла ее нервничать. Ирэн понимала, что хотя она имеет лишь косвенное отношение к мрачной истории, из-за которой было пролито столько слез и выпито столько снотворного, стоит приложить все усилия, чтобы ее ответы звучали максимально естественными и не вызвали ни тени сомнений. Женщина догадалась, зачем нужен повторный допрос. Очевидно, она поддерживала дружеские отношения с жертвой – ничего более. Никаких причин желать ей смерти не было. Раньше она уже переживала уход близких, но убийство не укладывалось в голове. Она все еще не могла поверить в происходящее. Неужели все это на самом деле?

Сложив руки на столе, Ирэн ждала, пока офицер найдет нужные бумаги, а со стороны за всем угрюмо наблюдал Сезар. Его присутствие должно было облегчить процедуру, однако Ирэн не могла забыть колебаний мужа, когда тот пы-

⁶ Абсолютные новички.

тался убедить ее в необходимости повторного допроса.

– Есть заурядные на первый взгляд вещи, – сказал он, – на которые мы сначала не обращаем внимания, но они помогают раскрыть дело.

– Итак... – пробормотала Эстэр, будто припоминая что-то важное, – значит, идея приехать вдвоем принадлежала Адриану?

– Мм... это не совсем так, – протянула Ирэн.

Она удивилась, что допрос начался так же, как в прошлый четверг, когда было обнаружено тело. Эта женщина хотела знать о них абсолютно все, досконально изучить личную жизнь и проанализировать все чувства, мотивы и слова.

– Это произошло внезапно. Алира пожаловалась на проблемы с деньгами и рассказала, что хочет продать особняк, что для нее смерти подобно. Тогда я ответила, что в таких обстоятельствах это самый разумный вариант, а Аманда добавила, что могла бы снять у подруги комнаты. Не самая плохая мысль, на мой взгляд...

– И это было до того, как появился Адриан?

– Да.

– Потому что вы не знали, что он приехал с женой на пару дней раньше и остановился в отеле...

– Да.

– Как вы думаете, Аманда тоже об этом не знала?

Ирэн посмотрела на Сезара, но лицо помощника оставалось непроницаемым.

– Она бы сказала мне. Адриан и Дуния только приехали и пробыли в Монграйне всего два дня. Для всех было сюрпризом, что мы встретились с Адрианом в «Сьемпре»... Это такой бар, где мы обычно собираемся нашей старой компанией. – Ирэн хотела пояснить, что это название значит, и совершенно не понимала, при чем здесь подруга.

– Да, я знаю, – с нажимом подтвердила Эстэр, – здесь говорится, что Аманда флиртowała и была чересчур любезна с Адрианом. Это правда?

Ирэн терзали сомнения. В курсе были лишь три подруги и Сезар с Адрианом. Кто мог такое сболтнуть? Женщина бросила взгляд на мужа, и ей показалось, что тот только сильнее смутился. Неужели Сезар? Бедная Аманда! Все постоянно принимали ее открытость и дружелюбие за неуместный флирт.

– Я думаю, она просто была рада его видеть, – ответила Ирэн в надежде, что следующий вопрос не будет хуже предыдущего.

– Вы знали, что Аманда в прошлом испытывала чувства к Адриану?

– Он был красивым мужчиной и многим нравился. – Ирэн многозначительно улыбнулась, но Эстэр и бровью не повела, и она спешно добавила: – Мы все знали, как Али его любила, а женская дружба священна.

– Но это все в прошлом, не так ли? Кажется, Алира забыла его так же, как вы забыли, что ваш муж когда-то был влюблен

в вашу подружку.

Ирэн заметила, как Сезар напрягся.

– Не понимаю, к чему вы клоните, – бросила она. Очевидно, что Сезар не скажет ни слова при своей начальнице. – Это было давно. Мы были молоды. Мы дружим уже много лет, несмотря ни на что.

– *Ничто* не забывается, – напомнила Эстэр, – есть исследование Оклендского университета. В нем говорится, что хорошие отношения с бывшими партнерами можно считать предметом гордости или признаком зрелости и рациональности, хотя на самом деле за этим скрываются психологические проблемы. Но самое интересное, что «темные» личности склонны сохранять «невинные» отношения с прошлыми пассиями. Они ссылаются на привязанность, на общих друзей, на общие воспоминания, на все, что пережили вместе... Я думаю, этот аргумент в равной степени применим к отношениям с теми, кого мы любим не взаимно, и с людьми, которые безответно когда-то любили нас. Но если время показало, что партнеры не подходят друг другу, зачем продолжать? Лучший вариант – расстаться. Чтобы заполнить внутреннюю пустоту? В любом случае, основная причина – эгоизм, личная выгода. Ну, а вы сейчас покрываете друг друга... – Она покосилась на Сезара. – И мне кажется логичным, что токсичная дружба может привести только к внутреннему конфликту. А потом происходит то, что произошло...

– Это слишком сложно, – возразила Ирэн. – И в корне

неверно.

– Да? – В голосе Эстэр проскользнули нотки иронии. Она выдержала короткую паузу, прежде чем перейти в атаку: – А вы знали, что они воспользовались вашим ностальгическим воссоединением в особняке Элехии? Что Аманда и Адриан сблизилась? Что главный мужчина в жизни Алиры крутил роман с ее лучшей подругой? Узнав такое, легко потерять контроль!

Ирэн покраснела. Она была права: худшее впереди. Но как они узнали? Она же никому не рассказывала! Самое сложное было скрывать правду от Сезара и Алиры, но Аманда клялась, что они соблюдали все меры предосторожности. Женщина снова посмотрела на мужа, но выражение его лица ясно говорило, что он все знает. Кто же проболтался? Аманда или Адриан? Они оба ему доверяли. С Сезаром было легко говорить о чем угодно: он был спокойным, понимающим собеседником и хорошим советчиком, поэтому все видели в нем исповедника. Что, если Алира тоже знала? Она бы простила ее молчание?

Смутившись, Ирэн уставилась на свои руки. До этого момента она готова была поклясться на чем угодно, что Алира не совершала преступления. Подруга не способна на убийство. То, что случилось с воробьями, было детской глупостью. Женщина даже не поняла, почему Эстэр упомянула об этом на первом допросе.

– Вы знали, что в детстве Алира жестоко обращалась с

животными? – спросила она.

Тогда Ирэн, ошеломленная случившимся, последовала совету мужа быть полностью откровенной и все рассказала.

Когда она впервые встретила Алиру в школе, девочка показалась ей скучной и мягкотелой, будто хотела затеряться среди учеников, которых каждый день забирал из долины школьный автобус. Суэта нового места сбила ее с толку: два полных класса и не менее двадцати учителей. Ей было тяжело и непривычно. В тот день Али робко опустилась на стул позади Ирэн, желая стать невидимкой. Алира понимала все предметы, делала уроки, сдавала экзамены, но никогда не поднимала руку, чтобы ответить на занятия, и почти ни с кем не разговаривала, кроме Аманды, потому что чувствовала враждебность с их стороны.

Ирэн понимала, что тогда сильно портила жизнь новенькой, и с трудом узнавала себя в той жестокой девчонке. Ирэн сбивала Алиру с ног каждый раз, когда они поднимались по лестнице на урок. И ей нравилось видеть беззащитную новенькую на коленях перед собой, когда под дружный смех одноклассников униженная Алира замирала на лестнице. Но однажды Али это надоело. Она спокойно поднялась и ударила обидчицу. Ирэн задрожала от гнева, но все вокруг молчали. Медленно, сжав кулаки, она поднялась по ступенькам, чтобы догнать осмелевшую одноклассницу, посмотрела ей в глаза и ударила ногой. Та ударила в ответ. Они продолжали

колотить друг друга руками и ногами, пока одна из учительниц не прибежала и не разняла их.

– Что тут происходит? – строго спросила она.

Остальные девочки тихо переговаривались, а Ирэн и Алира просто стояли потупившись.

– Несладко вам придется, когда отец Ирэн узнает... – взволнованно произнесла Аманда, стоя на ступеньку выше них. Ее голос звучал достаточно громко, чтобы все могли слышать. – Он жестокий человек и наказывает за любую провинность.

Позже Алира признавалась, насколько диким ей это казалось тогда. Ее никогда не наказывали. Только отправляли в комнату подумать над поведением. Поэтому Алира подняла глаза и сказала учительнице:

– Это моя вина. Я думала, что она решила поиздеваться надо мной. Извините. Я поступила плохо.

Дело дошло до директора. В наказание драчуни должны были провести три дня в классе вдвоем. Скука растопила лед в первый же день, и они разговорились.

– Спасибо, что не выдала меня, Алира. – Ирэн не выдержала первой.

– Ерунда. Но больше не приставай ко мне.

– Не буду. – После нескольких секунд молчания, осознавая, что эта тема больше не актуальна, Ирэн добавила: – Говорят, вы живете в замке.

– Это просто большой дом, – возразила Алира. – Особняк.

Во всех городах есть хотя бы один такой.

– Да, наверное. Но я никогда не встречала человека, который живет в особняке. Ты, наверное, очень богатая.

– Я не знаю.

Инстинктивно Алира прикрыла рукой заплатку на локте.

– А ты не боишься?

– Чего?

– Ну, не знаю... В таком доме чувствуешь себя одиноким.

– Мы привыкли. Если хочешь, можешь прийти как-нибудь в гости вместе с Амандой...

Через три дня Ирэн стала второй лучшей подругой Алиры, и вместе с Амандой они собрались провести следующую субботу в особняке. В тот весенний день она в первый раз увидела, где живет подруга. Тогда девочка считала, что такое место должно таить сказочные сокровища.

В глаза бросилась темная мебель, часть в строгом стиле, другая – на резных ножках, огромные двустворчатые двери, картины в толстых позолоченных рамах, бархатные пыльные гардины, стулья с шелковой обивкой и каменные лестницы. Через пару часов Ирэн предложила немного прогуляться, хотя на деле она просто хотела подышать свежим воздухом, чтобы избавиться от мерзкого чувства зависти, в котором не хотела признаваться даже себе.

– Можем пойти в сарай, – предложила Аманда. – Я по нему соскучилась.

Весной соломы было немного – почти вся ушла на корм

скоту. Девочки вскарабкались на оставшиеся тюки сухой травы и смотрели в маленькие окошки амбара, наслаждаясь видом на весеннюю долину.

Подруги смеялись и болтали, а когда и это наскучило, Алира вдруг спросила:

– Хотите поохотиться на воробьев?

Аманда засомневалась:

– Не знаю, правильно ли это...

– Так вот как вы мне помогаете! Это нужно сделать, в этом году их много развелось.

– А как ты на них охотишься? – любопытно спросила Ирэн.

Алира поманила подругу за собой. Они снова залезли на тюки соломы и стали искать дырки в стенах. Внезапно Алира остановилась перед одной из них, засунула в нее руку, схватила маленькую пищущую птичку и показала находку подругам. На ладони лежал маленький, еще слепой птенец без перьев, он беззащитно открывал и закрывал клювик.

– Ой, он только что вылупился! – взволнованно воскликнула Ирэн. – Такой милый!

– Они – чума! – безапелляционно заявила Алира.

Недолго думая, она положила указательный палец на живот птенца и сильно надавила. Внутренности беззащитного существа брызнули в руку девочки. Та бросила тельце на землю, вытерла ладонь соломой и приготовилась продолжить охоту. Алира не заметила, как застыло лицо ошарашенной Ирэн, а Аманда произнесла:

– Нам лучше пойти домой.

– Почему? – спросила Алира, она обернулась и заметила, как Ирэн залилась слезами. – Что не так?

– Ты чудовище! – воскликнула девочка.

Алира непонимающе моргнула:

– Почему? Это необходимо, ведь воробьи едят зерно, а затем и пшеницу и портят урожай. – Она покосилась на Аманду: – Ты тоже это делала, когда жила здесь.

Ирэн недоверчиво посмотрела на подругу. Та опустила голову.

– Я ненавидела это, – шепотом призналась она. – Но некоторым нравилось.

Годы спустя, вспоминая этот эпизод, Ирэн догадалась, что Аманда солгала. Она не знала, как выразить словами восторг, когда чужая жизнь в твоих руках. Ее пьянило осознание того, что лишь ей было ведомо, как быстротечна жизнь. В те моменты Аманда чувствовала себя равной Богу. Подруга подняла голову и, взглянув на Ирэн, повторила:

– Я правда все это ненавидела.

– А ты, Алира, – сердито спросила Ирэн, – что чувствуешь, когда это делаешь?

– Я... – Казалось, Алира действительно не понимала, что не так. – Я не знаю. Просто делаю, и все. Потому что так нужно.

– Я хочу пойти домой. – Ирэн отшатнулась от Алиры. – И держаться подальше от таких дикарей, как ты.

– Но...

– Оставь ее в покое, Алира, – твердо сказала Аманда. – Я попробую ей все объяснить. И когда Ирэн успокоится, ты пообещаешь нам никогда больше этого не делать. Мир давно изменился.

Впоследствии Алира десятки раз прокручивала в голове школьные каникулы, которые многое изменили. Тот случай заставил ее задуматься, что между тем, чему ее учили всю жизнь, и современной реальностью зияла гигантская пропасть. Впервые она увидела разницу между тем, что считала правильным, и тем, что объективно таковым не являлось. Ведь в ее голове было совершенно нормально слушаться родителей и убивать назойливых вредителей. Но Ирэн думала по-другому, для нее это было неприемлемо... Алира хорошо запомнила ее взгляд и теперь собиралась сделать все, чтобы не видеть этого взгляда, полного осуждения. Ведь она не монстр! Обвинение сильно ее задело. Алира не хотела терять такую подругу, как Ирэн. Осознав, что родители не всегда правы, а урожай не так сильно пострадает, если не убивать несчастных птичек, она поклялась, что не будет никогда больше этого делать.

Алира была настолько убедительной и искренней, что Ирэн простила ее и все забыла... *До этого самого момента.* Когда младший лейтенант бомбардировала ее вопросами о прошлом, ей показалось, что воспоминания вспыхнули с новой силой. Она сама была удивлена яркости этих образов.

Ирэн сожалела, что была столь откровенна с полицией. Наверняка сейчас они поменяли мнение об Алире, один дурацкий случай все перевернул с ног на голову.

«Люди меняются, – думала она. – И Али изменилась. Каждый хранит воспоминания о чем-то постыдном».

Она сама жестоко вела себя с Алирой в школе. Разве можно назвать ее преступницей из-за такой ерунды? Ирэн была уверена, что главное – осознать ошибки прошлого и сделать все, чтобы исправить их в будущем. Она пошла по этому пути. Алира тоже.

Наконец Ирэн поняла, зачем Эстэр засыпала ее вопросами о прошлом и характере Алиры. Теперь они еще узнали о романе Аманды и Адриана, что в корне изменило ситуацию. Ее мучило чувство вины. Если бы она умолчала о нескольких фактах, то до такого драматичного финала не дошло бы. Как же она жалела! Но было уже слишком поздно. Ирэн чуть не разрыдалась прямо на допросе.

– Я не знаю, насколько важны эти отношения, – пробормотала она, цепляясь за мысль, что ее дорогая Алира невинна. – Мы все взрослые люди.

– *Ревность* не стареет. Вы прекрасно сами это понимаете. А помимо мотива есть простое стечение обстоятельств.

– Я не знаю, что вы хотите от меня услышать. Я даже не была дома, когда узнала об исчезновении. Алира сама позволила мне и рассказала, что случилось.

– Может быть, не в этот день, но вы с мужем часто бывали у них в гостях. По состоянию тела сложно определить точное время смерти. У нас очень много вариантов развития событий и несколько возможных подозреваемых.

Ирэн недоуменно моргнула. О чем это она? Слезы на глазах немедленно высохли.

– Вы о чем? Зачем вы это мне говорите? – Она вопросительно уставилась на мужа. – Сезар, мне это не нравится.

– Мне тоже, – признался тот. – Варгас, я требую прервать допрос.

Эстэр подняла руку. Ей было совершенно ясно, что Ирэн невиновна, но по собственному опыту она знала, если прямо обвинить невиновного, тот выдаст больше полезной для следствия информации. И любая упомянутая деталь, какой бы незначительной она ни казалась, могла стать ключом к разгадке.

– Здесь решаю я, сержант. Можете уйти, если хотите. Я вызову другого офицера.

Сезар на мгновение задумался, но решил остаться, чтобы не упустить ни слова из последующей беседы.

– Как бы вы описали реакцию Алиры во время разговора об исчезновении жертвы? – продолжала Эстэр.

«Предполагаемой жертвы», – мысленно добавила она. Доказательства еще не собраны. С самого начала она молилась, чтобы не всплыло никаких сюрпризов, хотя они непременно случались. Ирэн успела возненавидеть привычку Эстэр

быстро менять тему разговора. Младший лейтенант намеревалась застать ее врасплох, но ей нечего было скрывать. Она думала лишь о том, как правильно выстроить свою речь, чтобы не вызвать еще больших подозрений.

– Алира была расстроена. – На мгновение она задумалась, вспоминая реакцию Алиры. Она действительно была очень удручена. И женщина добавила: – Мы обе думали, что уйти – лучшее, что Дуния могла сделать.

Эстэр оторвалась от бумаг, и Ирэн впервые увидела ее удивленное лицо.

– Уйти от мужа?

– Я думаю, для нее это было тяжелым решением. – Ирэн пыталась найти правильные слова. – Алира не переносит агрессию в любом виде... – Она поняла, что эти слова были приняты скептически, вероятно, из-за того случая с воробьями. Ирэн вновь пожалела о том, что рассказала *всю* правду. Тем не менее она твердо продолжила: – Это правда. Она всегда сглаживала острые углы. Али никогда не спорила, это против ее натуры.

– Можете привести конкретный пример?

– Я не могу сейчас вспомнить... И я имею в виду нечто более абстрактное – ее манеру общения. Она всегда старалась ни во что не вмешиваться и не ругаться. Может, в какой-то момент она изменилась...

– Что вы имеете в виду?

– Например, она все меньше соглашалась с некоторыми

взглядами и комментариями Херардо или даже Адриана.

– Взгляды и комментарии относительно кого?

– О ней самой, их женах... – Ирэн пожала плечами. – Не знаю. Мне просто так показалось.

– *Ирэн...* – Сезар не мог не вмешаться.

Его голос звучал удивленно и одновременно предупреждающе. Если это отступление было частью стратегии жены по отвлечению внимания, то это был удар ниже пояса. С другой стороны, если это правда, почему она ничего ему не сказала? Ведь они уже поднимали эту тему после исчезновения, но Ирэн ничего не сказала.

Младший лейтенант озвучила его мысли:

– У них было время рассказать об этом. – Она обернулась и взглянула на Сезара, который явно нервничал. Эстэр заметила перемену в его поведении после последних фраз. Позже надо будет уточнить, знал ли *он* обо всем. – Этот факт нигде не фигурирует.

Офицер потерла брови пальцами левой руки. Если это правда, то к обвинению придется подходить с точки зрения гендерного насилия. И тогда придется начинать заново... Однако что-то постоянно ускользало от ее взгляда. Эстэр все время задавалась одним и тем же вопросом: может ли любовь быть настолько сильной, чтобы обрести такую мерзкую форму? Внезапно на нее накатила ужасная усталость.

– Вы обсуждали это? Говорили с их женами?

У Ирэн никогда не было близких отношений с Дунией.

Она всегда держалась в стороне и была странноватой, пыталась быть вежливой и общительной, а потом внезапно закрывалась в себе. Дуня с явной гордостью говорила о работе мужа и о разных странах, в которых им удалось пожить, но это были лишь невинные байки. Они казались счастливой парой, со своими понятными только им шутками, разговорами и привычками. Иногда Адриан шутил, и все смеялись, но его улыбка казалась вылепленной из воска. Ему с трудом удавалось скрывать ненависть к жене, но он быстро надевал обратно свою маску. Ирэн заметила это, но промолчала, стараясь быть выше сплетен, тем более между друзьями.

Что касается Херардо и Тельмы, все было иначе. Жена всегда была для него обузой, хотя ладили они неплохо. Алира тоже часто страдала от жестокого юмора брата. Херардо сердился на нее без видимой причины, критиковал и часто недооценивал. Возможно, Тельма сама стала жертвой мерзкого характера мужа. Весной Алира рассказала о внезапной перемене в поведении снохи, та была крайне раздражена. Ирэн нахмурилась. Может, стоит рассказать подробнее... Хотя что толку? У нее было предчувствие, что чем больше она будет вдаваться в подробности, тем больше вероятность самой же в них и запутаться. Она не хотела брать ответственность за то, что выставила факты в выгодном лишь для одной стороны свете. Если младший лейтенант действительно настолько умна, она сама сделает правильный вывод.

– Я не так близко общаюсь с Дунией и Тельмой, чтобы

обсуждать такую деликатную тему, – ответила она, пожимая плечами.

Эстэр какое-то время молчала.

– У меня остался последний вопрос. Вы же знаете Алиру с детства. Другие согласились с тем, что в последнее время она выглядела странно счастливой и как будто скрывала что-то. Не знаете, с чем это могло быть связано?

– Я не думаю, что эта информация что-то прояснит, если вас правильно поняла, – откровенно ответила Ирэн. – Но меня это тоже очень удивило.

«Возможно, ответ где-то в Алкиларе, – подумала она тогда. – В другой жизни, которая стремительно появилась и расцвела в заброшенной деревне».

Раньше женщине это в голову не приходило. Ирэн была так занята своей собственной жизнью, семьей, работой в университете и приемом экзаменов, одержима тем, чтобы не повторить большую ошибку, которую допустила Аманда с Адрианом, поэтому совершенно не замечала, что происходит вокруг. Она забыла про Али, такую милую и невинную Али. Она скрыла от нее правду. Какая из нее теперь подруга!..

Ирэн закрыла глаза, но не смогла сдержать слезы. Возможно, она тоже виновата во всем, что произошло. Сезар с тяжелым сердцем ждал, пока жена успокоится. Он хотел поговорить с Эстэр наедине, прежде чем они пойдут домой.

Оставшись вдвоем, он заметил, что теперь Эстэр как-то

странно на него смотрит.

– Есть что-нибудь еще, о чем ты забыл мне рассказать? – осведомилась она.

В ходе допроса Ирэн у Сезара было достаточно времени, чтобы обдумать свой ответ и не выставить никого в дурном свете:

– Во время первых допросов говорили об обычном насилии, и это логично. Но никто никого открыто не обвинял. Тем более мою жену. До этого момента я считал, что это просто подозрение, никаких доказательств. Тогда мы не знали того, что творилось за закрытыми дверями. Довольствовались лишь уликами и фактами. Но психологическое насилие трудно заметить. Когда мы замечаем что-то странное, часто списываем это на типичные личные проблемы, которые есть в любых отношениях.

– *Подозрения...* Тебе следовало потянуть за ниточку, Сезар. Не так сложно понять, что недопустимо в здоровых отношениях. И настоящая дружба не превратит тебя в соучастника.

Жестокое обращение открыло много новых путей, по которым могло пойти расследование. Эстэр возненавидела эти версии, потому что она не могла быть полностью объективной. Каждый раз, когда возникала хоть малейшая вероятность, что имело место насилие над женщиной, Эстэр превращалась в безжалостного зверя. Если бы она раньше не закрывала на все глаза и следовала инстинктам, ее собственная

сестра была бы жива... Сестра стала ее крестом, который она несла уже много лет. Эстэр просыпалась и ложилась спать без сил, пытаясь удержать в голове рабочие дела, чужие беды и, прежде всего, смерть единственной сестры. Она полностью потеряла доверие к людям. «В каждом из нас скрыт убийца, – твердила Эстэр. – В каждом. Может, даже во мне самой».

– Согласись, это все меняет, – добавила она. – Придется начинать сначала. Я должна допросить всех повторно, и тебя тоже...

– Не понимаю, зачем это нужно, – вскинулся Сезар.

– Как ты уже заметил, всплыли новые детали. И надо развязать языки нашим подозреваемым. Я хочу знать все, до последней мелочи. Надеюсь, ты не подвергаешь сомнению мои методы.

– Конечно нет, – ответил Сезар слегка раздраженно.

По ходу расследования Эстэр никогда не исключала гипотезу, возможно надуманную, что Сезар из ревности хотел свалить вину на Алиру. Так подсказывала то ли интуиция, то ли инстинкт. Офицер знала, что люди такого склада ума годами могут планировать возмездие. Но все же игра Сезара не была безупречной. Он упустил из виду важные детали, пытаясь скрыть факты, чтобы защитить друзей. И он не рискнул бы совершить ошибку – только не сейчас.

Больше всего Эстэр хотелось, чтобы время не тянулось так медленно и она наконец смогла бы уйти в отставку.

Младший лейтенант отчаянно нуждалась в тишине и покое подальше от убийц и трупов. Зло опустошило ее сердце, она боялась, что никогда больше не сможет доверять людям и наслаждаться простыми человеческими радостями. Эстэр исполняла свой долг, отвечая всем требованиям женщины ее положения. Идеальный послужной список. Но силы были уже не те. Как она ненавидела это! Младший лейтенант глубоко вздохнула, скрестив руки на груди, и посмотрела Сезару прямо в глаза, чтобы не пропустить его реакцию, когда наконец задала вопрос:

– Почему ты присоединился к волонтерам? Возможно, если бы ты исполнял свой долг согласно уставу, дело было бы раскрыто раньше...

Сезар был в шоке, его шея и лицо налились кровью. Ему пришлось приложить все усилия, чтобы сдержать бурливший внутри гнев. Младший лейтенант подвергла сомнению качество его работы. Все, как всегда! Специалист, который приезжает из большого города, рассказывает местному, как нужно расследовать дела. Мужчина старался смотреть ей в глаза и не отвернуться слишком резко. В конце концов, она его начальник, ему не нужны неприятности. Он лишь ответил:

– Я следовал протоколу. Я не пропустил ни одного шага. Это все.

– Да, это все есть в деле, – заключила собеседница. – Что ж, тут ничего не поделаешь. На сегодня хватит, Сезар. Мне

нужно время, чтобы все обдумать. Завтра продолжим допрашивать свидетелей. С нынешним раскладом, боюсь, это продлится еще долго.

Сезар резко встал и направился к двери. Перед уходом он обернулся и произнес:

– Они мои друзья. Никто не беспокоится о них больше, чем я. Я надеюсь, что виновных найдут. Возможно, у меня не так много опыта в расследовании убийств в отличие от вас, но я точно знаю, что хорошо делаю свою работу.

И вышел, не дождавшись ответа. Эстэр подошла к окну и долго стояла, вглядываясь в сумерки. Не имея других зацепок, она сосредоточилась на единственном вопросе: в ком из них было столько ненависти, чтобы убить близкого человека и продолжить жить обычной жизнью, как ни в чем не бывало?

Многоэтажка, где жили Ирэн и Сезар, находилась недалеко от участка, поэтому обратно они шли пешком. Каждый думал о своем, всю дорогу оба не проронили ни слова. Июньский вечер был теплым, но все же уличные столики баров пустовали – был понедельник. Супруги благодарили судьбу за то, что не встретили никого из своих знакомых. Сейчас пара точно не была в настроении вести светские беседы.

Когда они зашли в здание, Ирэн тихо спросила:

– Приглядишь за мальчиками? Я должна увидеться с Али.

– Я не знаю, правильно ли это... – начал было Сезар.

– А есть какой-то закон, который мне запрещает это делать?

– Конечно нет. Я просто вижу, что ты расстроена. Уже почти ночь, а дорога в Алкиларе...

– Тогда поедем вместе. Быстро приготовим мальчикам ужин и отправимся к ней. Я была бы рада, если бы ты согласился. Меня пугает мысль об этом доме. Меня пугает то, что в наших разговорах все чаще проскальзывают слова «труп» и «убийство».

– Я не должен разговаривать с Алирой вне участка. – И, не дав жене возразить, Сезар добавил: – Мне не запрещает закон, но я знаю, что младший лейтенант не одобрит. Я уже на пределе. Я не хочу больше участвовать в расследовании.

Он решил не упоминать об обвинениях Эстэр в том, что он плохо справляется с делом.

– Но она наша подруга. Она *моя* подруга! Я даже представить не могу, каково ей сейчас! – Ирэн заметалась туда-сюда перед дверями лифта.

– Все это причиняет столько боли. Честно говоря, я думаю, что могу больше помочь, лично удостоверившись, что расследование идет беспристрастно.

– Сезар, нам нужно поговорить откровенно. Допрос раскрыл мне глаза. В последнее время мы не были честны друг с другом, и я не понимаю почему. Когда ты узнал, что между Адрианом и Аmandой что-то есть?

– В первую ночь я начал подозревать...

Ему было неловко вспоминать ту ночь, и не только из-за откровенного флирта Аманды с Адрианом, но и из-за того, что раньше он не мог этим поделиться. А теперь эта моральная дилемма не шла у него из головы и постоянно мучила. Но это было еще не все. Той ночью он застал Адриана и Алиру в Алкиларе, когда те прятались в тени. Тогда он не осмелился ничего сказать, но призрак ревности вновь терзал его спустя много лет. Он жаждал объяснений. Тогда его это глубоко задело. Но если рассказать обо всем сейчас, с одной стороны, все увидят, как легкомысленна Алира, а с другой – возникнут сомнения в его собственных мотивах. Еще одна проблема была в том, что отношения друга с обеими женщинами не поддавались никакой логике. Сезар хотел было спросить его напрямую, но благоразумие посоветовало позволить делу идти своим чередом.

– Он позвонил мне сам и все рассказал, но не хотел, чтобы я узнал об этом от кого-то еще. А ты?

– Аманда сказала. – Глаза Ирэн наполнились слезами. – Кто еще мог узнать?

– Не знаю. Наверное, любой. Это уже не имеет значения, тебе не кажется? В конце концов, все узнали, хотя и не обсуждали это открыто.

– Разве ты не чувствуешь себя виноватым, Сезар?

– В чем?

– В том, что мы все скрыли. Всю эту грязь. Мы даже не осознавали всего ужаса положения! – Ирэн сделала над со-

бой усилие, чтобы успокоиться. – Теперь я все понимаю. Если бы мы были честны, возможно, ничего бы этого не произошло. Не знаю, как это объяснить, Сезар, звучит абсурдно, нереально. Словно я и жертва, и палач. – Она направилась к выходу. – Мне нужно увидеть Али. Я скоро вернусь.

– Как хочешь. – Сезар проводил ее до двери и обнял. – Али с тобой повезло. Ты ни минуты не сомневалась в ней.

– А ты?

Сезар моргнул:

– Не пойми меня неправильно... Это часть моей работы – искать во всем подвох и сомневаться. Я надеюсь, что никогда не разочаруюсь в вас.

Он предпочел промолчать о том, что до сих пор не удалось точно установить личность жертвы. В такие моменты он ненавидел свою работу, ведь она заставляла страдать его собственную жену.

Ирэн поехала окружной дорогой: сначала – по шоссе, потом – по узкой сельской дороге, а после свернула на участок грунтовки. Ей надо было поразмыслить над словами Сезара: правильно ли, что она ни минуты не сомневалась в Алире? Для Ирэн дружба была священна, это был чистый, без изъяснов союз душ. Разум тоже отрицал, что подруга могла быть убийцей. Ведь Али всегда была такой хрупкой! Если ее вина будет доказана, Ирэн этого не вынесет. Вся их жизнь, их общие воспоминания превратятся в пыль.

Уже стемнело, когда женщина наконец добралась до Ал-

киларе. С каждым днем среди развалин зажигалось все больше огоньков. Ирэн подумала, что Алире будет трудно к этому привыкнуть, принять как должное. Как подруга сможет там жить после того, что произошло? Смогла бы Ирэн так же? Каково это? Она припарковалась перед огромными воротами особняка, чтобы не тратить время на борьбу с железными конструкциями и побыстрее увидеть подругу. Ирэн лишь хотела обнять ее и предложить помощь, сказать, что никто не верит в то, что она может быть причастна, что она может всегда на нее рассчитывать. Женщина жаждала попросить прощения за то, что не приехала раньше. Но Сезар был уверен, что не стоит поддерживать общение, пока идут допросы.

Ирэн увидела свет в столовой: было как раз время ужина. Однако ей показалось странным, что кто-то мог оставаться в доме, учитывая все обстоятельства. Женщина спешила и успокаивала себя тем, что виной тому была традиция – подавать ужин ежедневно в одно и то же время и при любых обстоятельствах. Сейчас гостя думала, что, возможно, стоило бы позвонить, но сперва решила посмотреть в окно и оценить ситуацию. К своему удивлению, Ирэн увидела, как Алиру страстно обнимал незнакомец. И сомнения, словно буря, охватили ее.

6

FIVE HUNDRED MILES⁷ The Proclaimers

Несколькими месяцами ранее

Воскресенье, 28 января

Алиру сильно обеспокоила реакция матери и брата Томаса, когда она объявила о решении принять предложение Аманды и сдать несколько комнат в поместье. Возможно, реакция второго брата, Херардо, будет более нервной, и женщина волновалась.

Хорошо, что они еще не встречались!

Алира решила все рассказать на следующий день после встречи с подругами, во время беседы за ужином, потому что после родственники обычно расходились по комнатам, чтобы несколько часов побыть в одиночестве. Она хорошо знала свою семью. Следовало выработать стратегию атак перед финальной «схваткой».

Со времени смерти отца родственники собирались в главной столовой, только когда приезжал Херардо с семьей. Тельма, как и ее муж, преподавала, и у них было множество выходных: целое лето, рождественская и пасхальная недели.

⁷ Пять сотен миль.

Однако Алире нравилось общаться с племянником Ханом: когда тот приезжал, всегда с удовольствием слушал семейные истории. Все остальное время года семья обедала в кухне, просторном помещении с большим окном, выходящим на запад, где гигантский сосновый стол казался крохотным.

В комнате специально не делали ремонт, поэтому кухня больше напоминала этнографический музей. В районе мойки, под самыми окнами, располагался выложенный белыми и серыми плитками каменный продолговатый двухметровый резервуар, служивший раковиной. Тяжелые дверцы серванта занимали всю противоположную стену от пола до потолка, а от засова остался только большой гвоздь с широкой плоской шляпкой. Деревянные и железные приборы для печи и готовки, горшки и глиняная посуда все еще использовались или же служили украшением стен, где не было мебели. Каминная полка и шкафы ограничивали доступ в кабинет, где Алира иногда подслушивала тайные разговоры родителей. С другой стороны мойки располагалась огромная печь с открытым очагом.

Алира обожала сидеть на каменной скамейке и наблюдать за причудливой пляской дыма в тесном отверстии в потолке, через которое просвечивал лоскуток неба. Дрова тлели под вечным оком звезд, а женщина созерцала весь жизненный цикл от рождения крошечных язычков к неистовой пляске огня, лижущего поленья, и далее медленного угасания, когда пламя завершало трапезу и лишь едва заметные искорки

пробежали время от времени по остывающей золе.

– Чем таким занят твой брат, что он даже не спустился? – спросила мать. Элехия всегда отличалась редкой, почти маниакальной пунктуальностью и приверженностью к четкому распорядку, несмотря на то что годы уже согнули ее спину, а движения сделали медленнее.

– Я его позову, – пообещала Алира.

Она прошла через кабинет, подошла к каменной лестнице и громко позвала брата по имени. Не получив ответа, она позвала снова и, наконец, решила подняться к нему в спальню. Она постучала, а затем открыла дверь. Как и ожидалось, Томас слушал музыку в наушниках, валяясь на кровати. Судя по громким звукам, это была композиция его любимой группы, Black Sabbath – «*Paranoid*». Если что и нарушало мирную гармонию особняка, так это пристрастия младшего брата к тяжелому року, а текст песни полностью соответствовал натуре Томаса. Его жизнь сводилась к разовым контрактам каменщика в местной строительной фирме и пятничным визитам в Монгрейн, где играл на бас-гитаре в группе, исполнявшей известные рок-композиции. Женат он не был, девушки тоже не имел. Большую часть времени он проводил в своей комнате, слушая музыку и роаясь в Интернете. Этот сорокалетний бородач очень ценил одиночество и тратил время на размышления на разные темы, но ничто не приносило ему удовлетворения. Он однажды обмолвился, что пришел к заключению, что счастья не существует, а с тех пор ему было

нечем больше заняться, кроме как прожигать жизнь. Это была самая длинная, глубокомысленная и содержательная фраза, что он произнес во взрослой жизни, и, возможно, даже не его, а чья-то цитата.

Алира медленно приблизилась, чтобы брат заметил ее и не испугался. Том приподнялся, выключил айпод, снял наушники и взглянул на часы на столе.

– Я задержался. Прости, – произнес он.

Томас почти не помогал по дому, и Алира давно бросила с ним бороться. Он забыл бы даже поесть, если его не позвать, а жил бы на одном пиве и закусках. Он лишь приносил немного денег и выполнял тяжелую физическую работу, если сестра просила.

– Вот что, – произнесла женщина, глядя на него в упор, – мне нужна твоя помощь. Пожалуйста.

– Ладно, – пожал плечами Томас.

Сидя за столом в центре кухни, в компании престарелой матери и странного брата, окруженная живой историей, Алира чувствовала себя одинокой. Гнет прожитых лет, одни и те же разговоры и ностальгия ускоряли телесное увядание. Однако тем вечером в кухне царил возбуждение: женщина волновалась, как мать воспримет грядущее перенаселение в доме. Она повторяла про себя аргументы, пока сервировала первое блюдо, за ним – второе, потом десерт, наполняла графин водой, дорезала хлеб, приносила пепельницу Томасу. Нужно было как-то унять нервозность, и самое главное –

не дать никому понять, что решение, пусть и логичное, происходило из желания снова оказаться с Адрианом под одной крышей.

К ее изумлению, мать и брат выслушали ее молча, вместо того чтобы сразу принять новость в штыки, как будто она сообщала нечто само собой разумеющееся. Им нужны были деньги и помощь в уходе за особняком, с чем невозможно было справиться в одиночку. Запустение царило как внутри, так и снаружи, к тому же была угроза необходимости продать поместье. Потому нужно было срочно найти выход из ситуации – возможный, разумный, оправданный.

И молчание родственников подтверждало, что она озвучила то, что все и так знали.

– Люди в доме, Алира? – переспросил Томас, зажигая сигарету, пока Элехия осознавала услышанное, не произнося ни слова. – Но кто? И сколько?

– Аманда, Адриан и Дуния. Две комнаты. Третью свободную мы тоже потом сдадим. Если повезет, то кому-то знакомому. И потом, они займут лишь третий этаж.

– Там комната Херардо, – наконец произнесла Элехия.

Но Алира уже все продумала: на втором этаже было три просторные спальни, не меньше, чем на третьем.

– Он может занять мою, а я перееду на верхний этаж в южной башне.

– Ему придется таскать тяжелые вещи, – возразила Элехия.

– Не обязательно. Мы найдем грузчиков.

– Он не захочет переезжать, он обожает свою комнату: он там жил с самого детства.

Алира не переносила упрямство матери, когда та бросалась на защиту старшего сына, поскольку тот единственный из троих детей не жил в поместье круглый год. Сама женщина была бы рада переехать из бывшей детской, но это Элехию не волновало.

– Если хочешь, можешь переезжать.

– Тельма не будет спать в башне: она и днем туда боится подниматься.

Алира улыбнулась. Когда на поместье спускалась ночь, элегантное прямоугольное здание, в северной и южной части которого возвышались две квадратные башни с острокопечными крышами, наполнялось тенями, шумами, подозрительными скрипами и стуками, и другими признаками павильона из фильма ужасов.

– Тогда все проще. Пусть занимает мою.

– А Хан?

– Уверена, что он будет счастлив переехать во вторую башню. Подростки любят простор. Ты что думаешь? – повернулась она к Томасу.

Брат сперва был сосредоточен на своей сигарете, но, когда наконец свернул ее, поднял голову и ответил:

– Я перееду в башню, а Херардо пусть занимает мою спальню. Ты оставайся, ты и так много делаешь.

Сестра послала ему благодарную улыбку. Томас был один из добрейших людей в мире.

– Значит, вы «за»?

– Это выход, – пожала плечами Элехия, – но хочу предупредить: люди устают друг от друга. А деньги добываются не так легко, как тебе кажется.

– Думаешь, если они не были так нужны, я бы стала усложнять себе жизнь? – бросила Алира, с трудом сдерживая раздражение.

Иногда Элехия говорила с ней так, будто она все еще подросток. Однако в целом она отреагировала лучше, чем ожидалось. Необходимости продолжать уговоры завтра не было: хватило одной успешной атаки. Сердце наполнилось радостью, а мать оставила аргументы при себе и лишь напомнила:

– Надо сообщить Херардо.

– Я ему позвоню, – заверила ее Алира, хотя изначально не собиралась этого делать: брат будет против, но она будет действовать и без его согласия.

Однажды он вступит в наследство, и все отойдет ее единственному племяннику Хану, как распорядились родители. Но до этого момента она сама будет принимать решения. Когда Херардо приедет на пасхальную неделю, ему придется принять ситуацию такой, какая она есть, а до этого момента еще целых два месяца.

Элехия никогда не одобряла чрезмерный энтузиазм. На

неделе, когда низкие облака и январские туманы постепенно уже сдавали позиции, уступая истерзанную землю февральским ветрам, Элехия с тревогой и раздражением наблюдала за изменениями, творящимися в доме. Ее беспокоили шум, голоса, суэта грузчиков, переносивших мебель с верхнего этажа на нижний, их манера бросать инструменты на антикварные комоды и елизаветинские кресла; старая женщина волновалась за фарфор, зеркала в позолоченной оправе и потемневшие от времени картины. Однако, вместо того чтобы закрыться в комнате, она проявляла живой интерес и постоянно бранила работников за отсутствие бережности.

– Не поцарапайте стены и пол! – постоянно повторяла она. – Не порвите ткань. Как можно ходить грязными ботинками по коврам? Как можно сверлить стену под клинья или метизы и не пылесосить потом?

Она замечала, что мужчины смеются за ее спиной, делая скидку на возраст, и страшно злилась, но грядущая выгода стоила нервов.

– Особняк Элехии всегда был *домом*, – с гордостью заявляла она. И пока в ее теле теплится жизнь, она будет заботиться о каждом предмете, хранящем воспоминания.

Шли дни, семья нашла для мебели новые подходящие места, и Алира начала замечать, как перемены в жизни особняка влияют на поведение матери и даже младшего брата. Много лет сидячей жизни привели к тому, что родственники сами покрылись патиной. Однако в новых обстоятель-

ствах они вынуждены были столкнуться с самыми личными воспоминаниями – например, обнаружив потерянные вещи в трубе или кофейнике. Они удивлялись, умилялись, вздыхали и, подгоняемые насущной необходимостью, воскрешали в памяти забытые привычки. Элехия стала одеваться к завтраку и даже подкрашивать губы блеском, чтобы не производить дурное впечатление на рабочих. Томас, воодушевившись возможностью занять наконец башню, где сможет в полной мере насладиться покоем, бегал по лестнице вверх-вниз, полный энергии. А сама Алира разрывалась между коробками и списками дел. А времени на все не хватало. Нужно было натереть мебель и почистить серебро, заменить разбитые защитные стекла на картинах, выкинуть битую посуду, забрать чехлы и гардины из прачечной, сменить набивку подушек и зашить дыры в обивке, купить полотенца и постельное белье, новые бокалы и скатерти, а также собрать материал для ковриков, а старые оставить на случай праздника. Все должно было быть идеально.

Она притащила большую дровяную корзину к камину. Нужно будет весной позаботиться о саде: его унылый вид был под стать нынешним дням. «Мы слишком редко выходим зимой из дома, – подумала она. – Красоту стоит наблюдать издалека. Она таится в горных пиках на горизонте, в пухлых облаках, гонимых ветром, густых лесах».

Когда, казалось, все было готово, Алира наняла уборщиков, чтобы вычистили весь дом, включая ковры, стекло,

плитку и сантехнику. Гости будут пользоваться теми же ванными, что и хозяйева, а их в доме всего три: по одной на этаж, на каждые три спальни, и еще одна на первом этаже. Если эксперимент пройдет удачно и получится скопить денег, нужно будет оборудовать еще одну, чтобы приходилось по одной на каждые *две* комнаты. Нынешние были в три раза больше стандартных.

Но все это пока лишь планы, а ей нужно исходить из реального положения вещей. А оно гласило, что женщине придется потратить последние сбережения на приведение особняка в порядок. А еще нужно было наполнить кладовую. Стоит подумать о меню для завтрака и ужина. Было решено, что обедать они будут вне дома, хотя могут готовить себе на кухне, если захотят, но после должны будут прибраться. Уборку в спальнях жильцов теперь нужно будет проводить еженедельно, за нее и за стирку несла ответ Крина, которая была только рада прибавлению к жалованью за пару дополнительных часов.

Алира не знала, что бы она делала без помощницы. Она сперва не хотела ее нанимать, подозревая темное прошлое, но та оказалась честной и трудолюбивой. Иной раз, будучи в подавленном настроении, женщина вспоминала энергичную румынку. Жизнь у нее была тяжелой: она приехала в чужую страну, начала жизнь с чистого листа, выучила язык. Если бы Алире пришлось это сделать, она бы, наверное, умерла. Она не считала себя столь же сильной. Но порой обстоятельства

берут над людьми верх...

А еще она ни разу не заметила, чтобы Крина совала нос в чужие дела.

Несмотря на сильное нервное истощение, Алира была довольна, когда в первую субботу февраля встречала гостей. Она мысленно поблагодарила высшие силы за спокойный, солнечный, теплый денек. В частности, благодаря погоде первый день в поместье для Дунии, Адриана и Аманды должен был стать незабываемым. Дом сиял, двор тоже. Когда Адриан переступил порог, Алира заметила восторженный блеск в его глазах. Он снова чувствовал себя молодым, будто и не было всех этих лет, как будто еще вчера он был полон энергии.

Женщина вообразила, что он проехал тысячи километров, чтобы вернуться к ней. Она была уверена, что брак с Дунией был ошибкой. Она представляла себя в его объятиях и убеждала саму себя, что возлюбленный не забыл ее, что он совершил глупость, запоздало осознав, что истинное счастье ждало его совсем рядом, в Алкиларе. Что дурного в том, что она раскрасила жизнь фантазиями? Ничего. Ничего более опасного и желанного. Она всего лишь хотела несколько минут помечтать. Что ж, посмотрим, что уготовано ей в будущем.

Женщина проводила гостей в комнаты. Воодушевленная Аманда постоянно болтала об изменениях, произошедших за столь короткий срок, и о том, какая вокруг чистота и по-

рядок.

– Ты столько сделала, Али! – произнесла она, входя в спальню – ту самую, что всегда ей нравилась, с полукруглым гардеробом и кроватью с пологом. – Дом совсем на себя не похож. Такой современный! – Она рассмеялась, не веря, что можно было такое сотворить с такой стариной. – И теперь он гораздо удобнее! Ума не приложу, что заставило тебя сотворить такое.

– Это все благодаря вам, – от всего сердца поблагодарила Алира.

– С нами все будет в порядке. – Подруга обняла ее.

И с этим объятием воскресли старые теплые чувства, что связывали их в детстве, прежде чем она переехала в Монгрейн. Они были как сестры, а не просто подруги. Аманда заботилась о ней, защищала, направляла. Мысль о том, что прошлое может вернуться, вызывала приятный трепет.

Пришлось сделать несколько ходок, прежде чем они перенесли все вещи, и Алира использовала любую возможность побыть рядом с Адрианом. И улыбки, которые он ей посылал, вовсе не были плодом ее воображения. Женщина не помнила, когда последний раз сердце билось так неистово. Он теперь совсем близко. И присутствие Дунии не разрушит ее мечты...

Во время беготни туда-сюда она заметила женщину, сидящую в одном из кресел в спальне. Ее плечи были опущены, а взгляд устремлен в пол. Ее охватило внезапное чувство

одинокости. Неужели и в ней самой, как в Дунии и остальных, включая Адриана, настолько проявилось разрушительное действие времени? Несколько секунд назад она чувствовала себя подростком, но сейчас истина вернула ее с небес на землю.

– Мне нужно отдохнуть, – произнесла Дуния, заметив ее присутствие.

– Разумеется.

Алира не знала, о чем с ней говорить как тогда, так и сейчас. Аманда и Ирэн симпатизировали ей, но не Алира. В конце концов, Дуния была с Адрианом все эти годы. Впрочем, Алира по натуре была доброй и справедливой. В чем была вина этой женщины? Ни в чем. Она присоединилась к компании из-за мужа, а когда они пересекались, Дуния всегда была с ней мила, даже зная, что та была прежней девушкой Адриана. Так что не стоило относиться к ней предвзято...

– Скоро будем обедать. Тебе полегчает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.